

Теодор Драйзер

Титан

Перевод с английского
Валентины Курелла, Т.Озерской

ФТМ

Трилогия желания

Теодор Драйзер

Титан

«ФТМ»

1914

Драйзер Т.

Титан / Т. Драйзер — «ФТМ», 1914 — (Трилогия желания)

ISBN 978-5-4467-1727-9

«Когда Фрэнк Алджернон Каупервуд вышел из филадельфийской исправительной тюрьмы, он понял, что с прежней жизнью в родном городе покончено. Прошла молодость, а вместе с ней рассыпались в прах его первые дерзкие финансовые замыслы. Придется все начинать сначала...»

ISBN 978-5-4467-1727-9

© Драйзер Т., 1914

© ФТМ, 1914

Содержание

Глава I	5
Глава II	8
Глава III	13
Глава IV	17
Глава V	21
Глава VI	24
Глава VII	29
Глава VIII	34
Глава IX	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Теодор Драйзер

Титан

Глава I

Новый город

Когда Фрэнк Алджернон Каупервуд вышел из филадельфийской исправительной тюрьмы, он понял, что с прежней жизнью в родном городе покончено. Прошла молодость, а вместе с ней рассыпались в прах его первые дерзкие финансовые замыслы. Придется все начинать сначала.

Не стоит повторять рассказ о том, как новая паника, по-следовавшая за грандиозным банкротством фирмы «Джей Кук и К^о», принесла Каупервуду новое богатство. После этой удачи его ожесточение несколько улеглось. Сама судьба, казалось, пеклась о нем. Однако карьера биржевого спекулянта внушала ему теперь непреодолимое отвращение, и он решил отказаться от нее раз и навсегда. Лучше заняться чем-нибудь другим: городскими железными дорогами, скупкой земельных участков – словом, умело использовать все безграничные возможности, которые сулит Запад. Филадельфия ему опротивела. Пусть он свободен и снова богат, но ему не избежать злословия лицемеров, так же как не проникнуть в финансовые и светские круги местного общества. Он должен идти своим путем один, ни на кого не рассчитывая, ибо если кто-нибудь из старых друзей и захочет помочь ему, то предпочтет сделать это втайне и следить за его действиями издалека. Все эти соображения побудили Каупервуда уехать. Его очаровательная любовница – ей едва исполнилось двадцать шесть лет – пришла на вокзал его проводить. Каупервуд смотрел на нее с нежностью: она была олицетворением той женской красоты, которая всегда его волновала.

– Ну, до свиданья, дорогая, – сказал он ей с ободряющей улыбкой, когда раздался звонок. – Скоро все наши неприятности кончатся. Не грусти. Через две-три недели я вернусь или ты приедешь ко мне. Я бы и сейчас взял тебя с собой, но я еще не знаю, как он выглядит, этот Запад. Мы решим, где нам поселиться, и тогда ты увидишь, умею ли я добывать деньги. Не вечно же нам жить как прокаженным. Я добьюсь развода, мы поженимся, и все будет хорошо. С деньгами не пропадешь.

Он посмотрел ей в глаза спокойным, испытующим взглядом, а она, сжав ладонями его лицо, воскликнула:

– Как я буду скучать без тебя, Фрэнк! Ведь ты для меня все!

– Через две недели я вернусь или пришлю телеграмму, – улыбаясь, повторил Каупервуд, когда поезд тронулся. – Будь умницей, детка.

Она ответила ему взглядом, полным обожания; избалованное дитя, всеобщая любимица в семье, натура страстная, пылкая, преданная, Эйлин принадлежала к тому типу женщин, который не мог не нравиться столь сильному человеку, как Каупервуд. Тряхнув копной рыжевато-золотистых волос, она послала ему вдогонку воздушный поцелуй, круто повернулась и пошла широким, уверенным шагом, слегка покачивая бедрами; все встречные мужчины оглядывались на нее.

– Видал? – кивнул один станционный служащий другому. – Та самая – дочь старика Батлера. Нам бы с тобой такую, неплохо, а?

То была невольная дань восторга, которую зависть и вождение неизменно платят здоровью и красоте. А страсти эти правят миром.

До этой поездки Каупервуд не бывал нигде западнее Питсбурга. Финансовые операции, которыми он занимался, при всем их размахе преимущественно протекали в косном и ограниченном мире филадельфийских дельцов, известном своей кастовостью, притязаниями на первое место в социальной иерархии и на руководящую роль в коммерческой жизни страны, своими традициями, наследственным богатством, приторной респектабельностью и теми вкусами и привычками, которые всем этим порождаются. Он почти завоевал этот чопорный мирок, почти проник в его святая святых, он уже был всюду принят, когда разразилась катастрофа. Теперь же он – бывший каторжник, всеми отверженный, хотя и миллионер. «Но погодите! В беге побеждает тот, кто быстрее всех, – твердил он себе. – В борьбе – самый ловкий и сильный. Еще посмотрим, кто кого одолеет». Не так-то просто его растоптать.

Чикаго открылся его взору внезапно на вторые сутки. Каупервуд провел две ночи среди аляповатой роскоши пультмановского вагона тех времен, в котором неудобства возмещались плюшевыми обивками и изобилием зеркального стекла; наконец под утро стали появляться первые уединенные форпосты столицы прерий. Путей становилось все больше и больше, а паутина проводов на мелькавших в окне телеграфных столбах делалась все гуще и плотнее. На подступах к городу там и сям торчали одинокие домишки рабочих – жилище какого-нибудь предприимчивого смельчака, поставившего свою лачугу на голом месте в надежде пусть на маленький, но верный доход, который принесет ему этот клочок земли, когда город разрастется.

Вокруг стлалась гладкая, как скатерть, равнина со скудной порослью порыжелой прошлогодней травы, слабо колыхавшейся на утреннем ветру. Но местами пробивалась и молодая зелень – знамя наступающего обновления, предвестник весны. Воздух в этот день был необычайно прозрачен, и сквозь его чистый хрусталь неясные очертания далекого города проступали, словно контуры мушки в янтаре, волнуя Каупервуда тонким изяществом рисунка. Коллекция картин, собранная им, а затем пущенная с молотка в Филадельфии, доставила ему столько радостей и огорчений, что он пристрастился к живописи, решил стать настоящим знатоком и научился понимать красоту, когда встречал ее в жизни.

Железнодорожные колеи разветвлялись все чаще. На путях стояли тысячи товарных вагонов, желтых, красных, синих, зеленых, белых, пригнанных сюда со всех концов страны. В Чикаго, вспомнилось Каупервуду, словно меридианы к полюсу, сходятся тридцать железнодорожных линий. Низенькие деревянные одноэтажные и двухэтажные домики, как видно, недавно построенные и часто даже неоштукатуренные, были уже покрыты густым слоем копоти, а порою и грязи. У переездов, где скапливались вагоны конки, фургоны, пролетки с налипшей на колесах глиной, внимание Каупервуда привлекли прямые немощенные улицы, неровные тротуары: тут – ступеньки и аккуратно утрамбованная площадка перед домом, там – длинный настил из досок, брошенных прямо в грязь девственной прерии. Ну и город! Внезапно показался рукав грязной, кичливой и самонадеянной речонки Чикаго. По ее черной маслянистой воде, пофыркивая, бойко сновали буксиры, вдоль берегов возвышались красные, коричневые, зеленые элеваторы, огромные желто-рыжие штабеля леса и черные горы антрацита.

Жизнь тут била ключом – он это сразу почувствовал. Строящийся город бурлил и кипел. Даже воздух здесь, казалось, был насыщен энергией, и Каупервуду это пришлось по душе. Как тут все непохоже на Филадельфию! Тот город тоже по-своему хорош, и когда-то он представлялся Каупервуду огромным волшебным миром, но этот угловатый молодой великан при всем своем безобразии был неизмеримо лучше. В нем чувствовались сила и дерзание юности. Поезд остановился, пока разводили мост, чтобы пропустить в оба направления с десятков груженных лесом и зерном тяжелых барж, и в ярком блеске утреннего солнца, лившегося в просвет между двумя горами каменного угля, Каупервуд увидел у стены лесного склада группу отдыхавших на берегу ирландских грузчиков. Бронзовые от загара, могучие здоровяки в красных и синих жилетках, подпоясанные широкими ремнями, с короткими трубками в зубах, они были вели-

колепны. «Чем это они мне так понравились?» – подумал Каупервуд. Каждый уголок этого грубого, грязного города был живописен. Все здесь, казалось, пело. Мир был молод. Жизнь создавала что-то новое. Да стоит ли вообще ехать дальше на северо-запад? Впрочем, это он решит после.

А пока ему надо навестить нескольких влиятельных чикагских дельцов, к которым у него имелись рекомендательные письма. Нужно встретиться и потолковать со здешними банкирами, хлеботорговцами, комиссионерами. Его интересовала чикагская фондовая биржа; все тонкости биржевых махинаций он знал насквозь, а в Чикаго заключались самые крупные сделки на хлеб.

Прогремев по задворкам невзрачных домишек, поезд наконец остановился у одного из многочисленных дощатых перронов. Под грохот выгружаемых сундуков и чемоданов, пыхтение паровозов, гомон снующих взад и вперед пассажиров Каупервуд выбрался на Канал-стрит и подозвал кеб, – они стояли здесь целой вереницей, свидетельствуя о том, что Чикаго – город отнюдь не провинциальный. Каупервуд велел везти себя в «Гранд-Пасифик». Это была самая дорогая гостиница, где останавливались только состоятельные люди, и потому он уже заранее решил избрать именно ее. Дорогой он внимательно рассматривал улицы, словно картины, которые хотел бы купить. Навстречу ему попадались желтые, голубые, зеленые, белые и коричневые вагончики, худые, как скелет, клячи. Каупервуда это взволновало. Вагончики были совсем дрянные – просто ярко размаленные фанерные ящики с вставленными в них стеклами и приделанными кое-где блестящими медными бляхами, но он понимал, что, когда город разрастется, на конке можно будет нажить миллионы. Городские железные дороги были его призванием. Ни маклерские операции, ни банкирская контора, ни даже крупная игра на бирже не привлекали его так, как городские железные дороги, открывавшие широчайшие возможности для хитроумных манипуляций.

Глава II

Разведка

Чикаго – город, с развитием которого так неразрывно будет связана судьба Фрэнка Алджернона Каупервуда! Кому достанутся лавры завоевателя этой Флоренции Западных штатов? Город, подобный ревущему пламени, город – символ Америки, город-поэт в штанах из оленьей кожи, суровый, неотесанный Титан, Бернс среди городов! На берегу мерцающего озера лежит этот город-король в лохмотьях и заплатках, город-мечтатель, ленивый оборванец, слагающий легенды, – бродяга с дерзаниями Цезаря, с творческой силой Еврипида. Город-бард – о великих чаяниях и великих достижениях поет он, увязнув грубыми башмаками в трясине обыденного. Гордись своими Афинами, о Греция! Италия, восхваляй свой Рим! Перед нами Вавилон, Троя, Ниневия нового века! Сюда, дивясь всему, исполненные надежд, шли переселенцы из Западных штатов и Восточных. Здесь голодные и алчущие труженики полей и фабрик, лелея мечту о необыкновенном и несбыточном, создали себе столицу, сверкающую кичливой роскошью среди грязи.

Из Нью-Йорка, Вермонта, Нью-Хемпшира, Мэна стекался сюда странный, разношерстный люд; решительные, терпеливые, упорные, едва затронутые цивилизацией, все эти пришельцы жаждали чего-то, но не умели постичь подлинной ценности того, что им давалось, стремились к славе и величию, не зная, как их достигнуть. Сюда шел утонченный мечтатель, лишившийся своего родового поместья на Юге; исполненный надежд питомец Йельского, Гарвардского или Принстонского университета; вольнолюбивый рудокоп Калифорнии и Скалистых гор с мешочком серебра или золота в руках.

И здесь уже были растерянные иностранцы – венгры, поляки, шведы, немцы, русские. Смущенные незнакомой речью, опасливо поглядывая на своего соседа чуждой национальностью, они селились колониями, чтобы жить среди своих.

Здесь были проститутки, мошенники, шулера, искатели приключений *par excellence*¹. Этот город наводняли подонки всех городов мира, среди которых тонула жалкая горстка местных уроженцев. Ослепительно сверкали огни публичных домов, звенели банджо, цитры и мандолины в барах. Сюда, как на пир, стекались самые дерзновенные мечты и самые низменные вожеления века и пировали всласть в этом чудо-городе – центре Западных штатов.

В Чикаго Каупервуд прежде всего отправился к одному из наиболее видных дельцов – председателю правления крупнейшего в городе банка «Лейк-Сити Нейшнл», вклады которого превышали четырнадцать миллионов долларов. Банк помещался на Дирборн-стрит, в Мунро, всего в двух-трех кварталах от гостиницы, где остановился Каупервуд.

– Узнайте, кто этот человек, – приказал мистер Джуд Эддисон, председатель правления, своему секретарю, увидев входившего в приемную Каупервуда.

Кабинет был устроен так, что мистер Эддисон, не вставая из-за письменного стола, мог видеть сквозь внутреннее окно всякого, кто входил к нему в приемную, прежде чем тот видел его, и волевое, энергичное лицо Каупервуда сразу заинтересовало банкира. Каупервуд в любых обстоятельствах умел держаться уверенно и непринужденно, чему немало способствовало его длительное и тесное общение с миром банковских дельцов и прочих финансовых воротил. Для своих тридцати шести лет он был на редкость проницателен и умудрен житейским опытом. Любезный, обходительный, он вместе с тем всегда умел поставить на своем. Особенно обращали на себя внимание его глаза – красивые, как глаза ньюфаундленда или шотландской овчарки, и такие же ясные и подкупающие. Взгляд их был то мягок и даже ласков, испол-

---

¹ Преимущественно (фр.).

нен сочувствия и понимания, то вдруг твердел и, казалось, метал молнии. Обманчивые глаза, непроницаемые и в то же время чем-то влекущие к себе людей самого различного склада.

Секретарь вернулся с рекомендательным письмом, а следом за ним вошел и сам Каупервуд.

Мистер Эддисон невольно привстал – он делал это далеко не всегда.

– Рад познакомиться с вами, мистер Каупервуд, – учтиво произнес он. – Я обратил на вас внимание, как только вы вошли в приемную. У меня тут, видите ли, окна устроены так, чтобы я мог все обозревать. Присядьте, пожалуйста, может быть, вы не откажетесь от хорошего яблочка? – Он выдвинул левый ящик стола, вынул оттуда несколько блестящих красных яблок и протянул одно из них Каупервуду. – Я каждое утро съедаю по яблоку.

– Нет, благодарю вас, – вежливо отвечал Каупервуд, внимательно приглядываясь к банку и стараясь распознать характер этого человека и глубину его ума. – Я никогда не ем между завтраком и обедом, премного благодарен. В Чикаго я проездом, но решил, не откладывая, явиться к вам с этим письмом. Я полагаю, что вы не откажетесь рассказать мне вкратце о вашем городе. Я ищу, куда бы повыгоднее поместить капитал.

Пока Каупервуд говорил, Эддисон, грузный, коренастый, краснощекий, с седеющими каштановыми бакенбардами, пышно разросшимися до самых ушей, и колючими серыми блестящими глазками, благополучный, самодовольный, важный, жевал яблоко и задумчиво разглядывал посетителя. Эддисон, как это нередко бывает, привык с первого взгляда составлять себе мнение о том или ином человеке и гордился своим знанием людей. Как ни странно, но этот расчетливый делец с удивительным для него легкомыслием сразу пленился Каупервудом, личностью куда более сложной, чем он сам, и не потому, что Дрексел писал о нем как о «бесспорно талантливом финансисте», который, обосновавшись в Чикаго, может принести пользу городу, – нет, Эддисона загипнотизировали необыкновенные глаза Каупервуда. Несмотря на его внешнюю сухость, в Каупервуде было что-то располагающее, и банкир не остался к этому нечувствителен; оба они, в сущности, были, что называется, себе на уме – только филателист обладал умом, дальновидностью и коварством в несравненно больших размерах. Эддисон, усердный прихожанин своей церкви и примерный гражданин на взгляд местных обывателей, был, попросту говоря, ханжа. Каупервуд же всегда брезговал носить такую маску. Каждый из них стремился взять от жизни все, что мог, и каждый на свой лад был жесток и беспощаден. Но Эддисон не мог тягаться с Каупервудом, ибо им всегда владел страх: он боялся, как бы жизнь не выкинула с ним какой-нибудь штуки. Его собеседнику этот страх был неведом. Эддисон умеренно занимался благотворительностью, внешне во всем придерживался тупой, общепринятой рутины, притворялся, что любит свою жену, которая ему давно опостылела, и тайком предавался незаконным утехам. Человек же, сидевший сейчас перед ним, не придерживался никаких установленных правил, не делился своими мыслями ни с кем, кроме близких ему лиц, которые всецело находились под его влиянием, и поступал только так, как считал нужным.

– Видите ли, мистер Каупервуд, – сказал Эддисон, – мы здесь, в Чикаго, такого высокого мнения о наших возможностях, что иной раз боишься сказать то, что думаешь, – боишься, как бы тебя не сочли чересчур самонадеянным. Наш город – вроде как младший сын в семье, который уверен, что он всех может заткнуть за пояс, да не хочет пробовать свои силы до поры до времени. Его нельзя назвать красавцем – он угловат, как все подростки, – но мы знаем, что он еще выровняется. Каждые полгода этот молодчик вырастает из своих штанов и башмаков, из своей шапки и курточки и не может поэтому выглядеть франтом, но под неказистой одеждой у него крепкие кости и упругие мышцы, и вы не замедлите убедиться в этом, мистер Каупервуд, как только присмотритесь к нему поближе. Вы поймете, что внешность большой роли не играет.

Круглые глазки мистера Эддисона сузились, взгляд его на мгновение стал еще более колючим. В голосе зазвучали металлические нотки. Каупервуд понял, что Эддисон искренне

влюблен в свой город: Чикаго был ему дороже всякой любовницы. Вокруг глаз банкира побежали лучистые морщинки, рот обмяк, и лицо расплылось в улыбке.

– Рад буду поделиться с вами всем, что знаю, – продолжал он. – У меня есть о чем порассказать.

Каупервуд поощрительно улыбнулся в ответ. Он стал расспрашивать о развитии различных отраслей промышленности, о состоянии торговли и ремесел. Обстановка здесь была иная, нежели в Филадельфии. В Чикаго чувствовалось больше широты, больше простора. Стремление к росту, к использованию всех местных возможностей было типичным для Западных штатов, что уже само по себе нравилось Каупервуду, хотя он и не решил, стоит или не стоит принять участие в этой деятельной жизни. Но так или иначе она благоприятствовала его планам. Каупервуду предстояло еще избавиться от клейма бывшего арестанта и освободиться от жены и двоих детей, только юридически, разумеется, – у него не было намерения бросить их на произвол судьбы. Деятельный, молодой и смелый Средний Запад скорее мог простить ему ту дерзость, с какою он игнорировал современный кодекс морали и отказывался ему подчиняться. «Мои желания прежде всего» – было девизом Каупервуда, но, чтобы жить согласно этому девизу, необходимо было преодолевать предрассудки других и уметь противостоять им. Каупервуд почувствовал, что сидящий перед ним банкир если и не стал воском в его руках, то все же склонен вступить с ним в дружеские и весьма полезные для него отношения.

– Ваш город произвел на меня самое благоприятное впечатление, мистер Эддисон, – помолчав, сказал Каупервуд, прекрасно сознавая, впрочем, что его слова не вполне соответствуют истине; он не был уверен, хватит ли у него духу обосноваться среди этих строительных лесов и котлованов. – Я видел его лишь из окна вагона, но мне понравилось, что жизнь здесь у вас бьет ключом. По-моему, у Чикаго большое будущее.

– Вы, насколько я понимаю, прибыли через форт Уэйн и, следовательно, видели худшую часть города, – сказал мистер Эддисон спесиво. – Разрешите мне показать вам более благоустроенные кварталы. Кстати, где вы остановились?

– В «Гранд-Пасифик».

– И долго рассчитываете пробыть в Чикаго?

– Дня два, не больше.

– Позвольте. – Мистер Эддисон вынул из кармана часы. – Вы не откажетесь, вероятно, познакомиться кое с кем из наиболее влиятельных людей нашего города? Мы все обычно завтракаем в клубе «Юнион-Лиг». У нас там свой кабинет. Если вы ничего не имеете против, пойдемте со мной. Я собираюсь туда к часу дня, и мы, несомненно, застанем там кого-нибудь из наших коммерсантов, крупных предпринимателей, судей и адвокатов.

– Вот и отлично, – сразу согласился филадельфиец. – Вы очень любезны. Но раньше мне хотелось бы повидаться еще кое с кем... – Каупервуд поднялся и взглянул на свои часы. – Я сумею найти ваш клуб. Кстати, вы не могли бы указать мне, где находится контора «Арнил и К°»?

При имени этого богача, оптового торговца мясом и одного из крупнейших вкладчиков его банка, Эддисон одобритительно закивал головой. В столь молодом еще дельце – Каупервуд был по меньшей мере лет на восемь моложе его самого – банкир сразу почуял будущего финансового магната.

После свидания с мистером Арнилом – осанистым, величественным, настороженно-неприязненным – и беседы с изворотливым и хитрым директором биржи Каупервуд отправился в клуб «Юнион-Лиг». Там он застал довольно пестрое общество: люди самых разных возрастов – от тридцати пяти до шестидесяти пяти лет – завтракали за большим столом в отдельном кабинете, обставленном массивной резной мебелью из черного ореха; со стен на них смотрели портреты именитых чикагских горожан, а окна пестрели цветными стеклами – своеобразное притязание на художественный вкус. Среди сидевших за столом были люди дородные

и тощие, высокие и приземистые, темноволосые и блондины; очертанием скул и выражением глаз некоторые напоминали тигра или рысь, другие – медведя, третьи – лисицу, попадались угрюмые бульдожи физиономии и лица снисходительно-величественные, смахивавшие на морды английских догов. Только слабых и кротких не было в этой избранной компании.

Мистер Арнил и мистер Эддисон – проницательные, изворотливые и целеустремленные дельцы – понравились Каупервуду. Помимо них, его заинтересовал Энсон Мэррил – маленький, сухопарый, изысканно вежливый человек, утонченный облик которого, казалось, свидетельствовал о праздной жизни нескольких поколений и невольно наводил на мысль о поместьях и ливрейных лакеях. Эддисон шепнул Каупервуду, что это знаменитый мануфактурный король и крупнейший оптово-розничный торговец в Чикаго.

Другой знаменитостью, остановившей на себе внимание Каупервуда, был мистер Рэмбо, железнодорожный магнат и зачинатель этого дела в Чикаго. Обращаясь к нему, Эддисон сказал с веселой улыбкой:

– Мистер Каупервуд прибыл сюда из Филадельфии, горя желанием оставить у нас часть своего капитала. Вот вам удобный случай сбыть с рук ту никудышную землю, которую вы скупили на Северо-Западе.

Рэмбо, бледный, худощавый, с черной бородкой и быстрыми, точными движениями, одетый, как успел заметить Каупервуд, с большим вкусом, чем другие, внимательно оглядел его и учтиво улыбнулся сдержанной непроницаемой улыбкой. В ответ он встретил взгляд, надолго оставшийся у него в памяти. Глаза Каупервуда говорили красноречивее слов. И мистер Рэмбо, вместо того чтобы отделаться ничего не значащей шуткой, решил рассказать ему кое-что о Северо-Западе. Быть может, это заинтересует филадельфийца.

Для человека, только что вышедшего из трудной схватки с жизнью, испытавшего на себе все проявления порядочности и двоедушия, сочувствия и вероломства со стороны тех, кто в каждом американском городе вершит все дела, – для такого человека отношение к нему заправил другого города значит и очень много, и почти ничего. Каупервуд уже давно пришел к мысли, что человеческая природа вне зависимости от климата и всех прочих условий везде одинакова. Самой примечательной чертой рода человеческого было, по его мнению, то, что одни и те же люди, смотря по времени и обстоятельствам, могли быть чем угодно и ничем. В редкие минуты досуга Каупервуд – если только он и тут не был погружен в практические расчеты – любил поразмыслить над тем, что же такое, в сущности, жизнь. Не будь он по званию финансистом и к тому же оборотистым предпринимателем, он мог бы стать философом крайне субъективистского толка, хотя занятия философией неизбежно должны были казаться человеку его склада довольно никчемными. Призвание Каупервуда, как он его понимал, было в том, чтобы манипулировать материальными ценностями, или, точнее, их финансовыми эквивалентами, и таким путем наживать деньги.

Он явился сюда с целью изучить основные нужды Среднего Запада, – иными словами, с целью прибрать к рукам, если удастся, источники богатства и могущества и тем самым создать себе положение. У дельцов, с которыми он встретился утром, Каупервуд успел почерпнуть нужные ему сведения о чикагских бойнях, о доходах железнодорожных и пароходных компаний, о чрезвычайном вздорожании земельных участков и всякого рода недвижимости, об огромном размахе спекуляции зерном, о растущих барышах владельцев отелей и скобяных лавок. Он узнал о существовании различных промышленных компаний: одна из них строила элеваторы, другая – ветряные мельницы, третья выпускала вагоны, четвертая – сельскохозяйственные машины, пятая – паровозы. Любая новая отрасль промышленности находила для себя благодатную почву в Чикаго. Из беседы с одним из членов правления торговой палаты, к которому у него тоже имелось рекомендательное письмо, Каупервуд узнал, что на чикагской бирже почти не ведется операций с местными акциями. Сделки заключались главным образом на пшеницу, кукурузу и всякого рода зерно. Акции же предприятий Восточных штатов

местные дельцы оперировали только на нью-йоркской бирже, используя для этой цели арендованные телеграфные линии.

Присматриваясь к этим людям – все они были чрезвычайно учтивы и любезны, и каждый, тая про себя свои обширные замыслы и планы, ограничивался лишь общими, ни к чему не обязывающими замечаниями, – Каупервуд думал о том, как он преуспееет в этом обществе. На его пути стояло немало препятствий. Никто из этих господ, которые были с ним так предупредительны, не знал, что он недавно вышел из тюрьмы. В какой мере могло это обстоятельство повлиять на их отношение к нему? Никто из них не знал также, что он оставил жену и двоих детей и добивался развода, чтобы сочетаться браком с некоей молодой особой, уже присвоившей себе фактически роль его супруги.

– Так вы серьезно намерены побывать на Северо-Западе? – с нескрываемым интересом спросил под конец завтрака мистер Рэмбо.

– Да, я думаю съездить туда, как только покончу здесь с делами.

– В таком случае разрешите познакомить вас с людьми, которые могут быть вашими попутчиками. Большинство из них – здешние жители, но есть несколько приезжих из Восточных штатов. Мы едем в четверг специальным вагоном, одни до Фарго, другие до Дулута. Буду очень рад, если вы присоединитесь к нам. Сам я еду до Миннеаполиса.

Каупервуд принял предложение и поблагодарил. Затем последовала обстоятельная беседа о пшенице, скоте, строевом лесе, стоимости земельных участков, о неограниченных возможностях для открытия новых предприятий – словом, обо всем, чем манил к себе дельцов Северо-Запад. Разговор вертелся главным образом вокруг городов Фарго, Миннеаполиса и Дулута; обсуждались перспективы их промышленного роста, дальнейшего размещения капитала. Мистер Рэмбо, которому принадлежали железные дороги, уже изрезавшие вдоль и поперек этот край, твердо верил в его будущее. Каупервуд, с полуслова улавливая и запоминая все, что ему было нужно, получал весьма ценные сведения. Городские железные дороги, газ, банки и спекуляции земельными участками – вот что всегда и везде особенно привлекало к себе его внимание.

Наконец он ушел, так как ему предстояло еще несколько деловых встреч, но впечатление, произведенное его личностью, не изгладилось с его уходом. Мистер Эддисон, например, и мистер Рэмбо были искренне убеждены в том, что такого интересного человека им давно не приходилось встречать. А ведь он почти ничего не говорил – только слушал.

Глава III

Вечер в Чикаго

Посетив Эддисона в банке и отобедав затем запросто у него дома, Каупервуд пришел к выводу, что с этим финансистом не следует кривить душой. Эддисон был человеком влиятельным, с большими связями. К тому же он положительно нравился Каупервуду. И вот, побывав по совету мистера Рэмбо в Фарго, Каупервуд на пути в Филадельфию снова заехал в Чикаго и на другой же день с утра отправился к Эддисону, чтобы рассказать ему, смягчив, разумеется, краски, о своих филадельфийских злоключениях. От Каупервуда не укрылось впечатление, произведенное им на банкира, и он надеялся, что мистер Эддисон посмотрит на его прошлое сквозь пальцы. Он рассказал, как филадельфийский суд по формальным уликам признал его виновным в растрате и как он отбыл срок наказания в Восточной исправительной тюрьме. Упомянул также о предстоящем ему разводе и о своем намерении вступить в новый брак.

Эддисон, человек не столь сильной воли, хотя по-своему тоже достаточно упорный, подивился смелости Каупервуда и его умению владеть собой. Сам он никогда не отважился бы на такую отчаянную авантюру. Эта драматическая повесть взволновала его воображение. Он видел перед собой человека, который, по-видимому, еще так недавно был унижен, втоптан в грязь, и вот он уже снова на ногах – сильный, решительный, уверенный в себе. Банкир знал в Чикаго многих весьма почтенных и уважаемых горожан, чье прошлое не выдержало бы слишком пристального изучения. Однако никого это не беспокоило. Некоторые из этих людей принадлежали к наиболее избранному обществу, другие не имели в него доступа, но все же обладали большим весом и влиянием. Почему же не дать Каупервуду возможности начать все сначала? Банкир снова внимательно поглядел на гостя: крепкий торс, красивое, холеное лицо с маленькими усиками, холодный взгляд... Мистер Эддисон протянул Каупервуду руку.

– Мистер Каупервуд, – сказал он, тщательно подбирая слова, – не буду говорить, как я польщен доверием, которое вы мне оказали. Я все понял и рад, что вы были со мной откровенны. Не стоит больше толковать об этом. Когда я впервые увидел вас у себя, я почувствовал, что вы человек незаурядный. Теперь я в этом убедился. Вам не нужно оправдываться передо мной. Я как-никак недаром пятый десяток живу на свете – жизнь меня кое-чему научила. Вы всегда будете желанным гостем в моем доме и почетным клиентом в моем банке. Посмотрим, как сложатся обстоятельства, будущее само подскажет нам, что следует предпринять. Я был бы рад, если бы вы поселились в Чикаго; правду сказать, вы сразу пришлись мне по душе. Если вы решите обосноваться здесь, я уверен, что мы будем полезны друг другу. А теперь – не думайте больше о прошлом, я же, со своей стороны, никогда и ни при каких обстоятельствах не стану о нем упоминать. Вам еще предстоит борьба, я желаю вам удачи и готов оказать всяческую поддержку, насколько это в моих силах. Итак, забудьте о том, что вы мне рассказали, и, как только ваши семейные дела уладятся, приезжайте в гости и познакомьте нас с вашей женой.

Покончив с делами, Каупервуд сел в поезд, отправлявшийся в Филадельфию.

– Эйлин, – сказал он своей возлюбленной, встречавшей его на вокзале, – по-моему, Запад – это то, что нам с тобой нужно. Я проехал вплоть до Фарго и побывал даже в его окрестностях, но нам, пожалуй, не стоит забираться так далеко. Кроме пустынных прерий и индейцев, мне ничего не удалось там обнаружить. Что бы ты сказала, Эйлин, – добавил он шутливо, – если бы я поселил тебя в дощатой хибарке и кормил гремучими змеями на завтрак и сусликами на обед? Пришлось бы это тебе по вкусу?

– Конечно! – весело сказала она, прижимаясь к его плечу, – они уже сидели в закрытом экипаже. – Если бы ты это выдержал, так выдержала бы и я. С тобой я поеду хоть на край света,

Фрэнк. Я закажу себе красивый индейский наряд, весь разукрашенный бусами и кусочками кожи, и головной убор из перьев – ну, знаешь, такой, как они носят, – и...

– Так я и знал! Ты верна себе! Главное – туалеты, даже в дощатой лачуге. Ничего с тобой не поделаешь.

– Ты бы очень скоро разлюбил меня, если бы я не заботилась о туалетах, – смеясь, отвечала Эйлин. – Ах, как я рада, что ты вернулся!

– Беда в том, – улыбаясь, продолжал Каупервуд, – что места эти не кажутся мне столь многообещающими, как Чикаго. Придется нам, как видно, поселиться в этом городе. Правда, часть капитала я разместил в Фарго, – значит, время от времени нужно будет наведываться и туда, но обоснуемся мы все-таки в Чикаго. Я не хочу никуда больше ездить один. Мне это надоело. – Он сжал ее руку. – Если нам не удастся вскоре добиться развода, я просто представлю тебя в обществе как мою жену, вот и все.

– А от Стеджера нет вестей? – спросила Эйлин.

Стеджер, поверенный Каупервуда, добивался у миссис Каупервуд согласия на развод.

– Нет, ни слова.

– Дурной признак, верно? – вздохнула Эйлин.

– Ничего, не огорчайся. Могло быть и хуже.

Каупервуду вспомнились дни, проведенные в филадельфийской тюрьме, и Эйлин подумала о том же. Затем он принялся рассказывать ей о Чикаго, и они решили при первой возможности переселиться туда, в этот западный город.

О последующих событиях в жизни Каупервуда скажем вкратце. Прошло около трех лет, прежде чем он, покончив наконец со своими делами в Филадельфии, обосновался в Чикаго. Эти годы были заполнены поездками из Восточных штатов в Западные и обратно. Сначала Каупервуд бывал главным образом в Чикаго, но затем стал все чаще наведываться в Фарго, где Уолтер Уэлпли, его секретарь, руководил строительством торгового квартала, прокладкой линии городской железной дороги и организацией ярмарки. Все эти многообразные начинания объединялись в одном предприятии, именовавшемся Строительной и транспортной компанией, во главе которой стоял Фрэнк Алджернон Каупервуд. На мистера Харпера Стеджера, филадельфийского адвоката Каупервуда, было возложено заключение контрактов.

Поселившись на некоторое время в Чикаго, Каупервуд снял номер в отеле «Тремонт», ограничиваясь пока что ввиду ложного положения Эйлин лишь краткими деловыми встречами с теми влиятельными лицами, с которыми он свел знакомство в свой первый приезд. Он внимательно приглядывался к чикагским биржевым маклерам, подыскивая солидного компаньона, уже имеющего свою контору, человека не слишком притязательного и честолюбивого, который согласился бы посвятить его в дела чикагской биржи и ее заправил и ввел бы в курс местной деловой жизни. Как-то раз, отправляясь в Фарго, Каупервуд взял с собой Эйлин, и она свысока, с беспечной и скучающей миной смотрела на молодой строящийся город.

– Нет, ты только взгляни, Фрэнк! – воскликнула Эйлин, увидав простое бревенчатое здание четырехэтажной гостиницы. Длинная неказистая улица в торговом квартале, где склады кирпича уныло перемежались со складами лесоматериалов, произвела на нее удручающее впечатление. Не лучше были и другие части города. Вдоль немощеных улиц тянулись дома, между которыми зияли пустыри. – Неужели ты всерьез думал поселиться здесь? – Эйлин, разряженная, как всегда, в пух и прах, тщеславная, самоуверенная, в модном щегольском костюме, являла странный контраст с озабоченными, суровыми, равнодушными к своей внешности жителями этого нового, буйно растущего города.

Эйлин недоумевала: где же она будет блистать, когда наконец пробьет ее час? Допустим даже, что Фрэнк страшно разбогатеет, станет куда богаче, чем был когда-то. Какой ей от этого прок здесь? В Филадельфии до своего банкротства, когда никто еще не подозревал о ее связи с ним, он начал было устраивать блестящие приемы. Будь она в то время его женой, ее бы с

распростертыми объятиями приняло избранное филладельфийское общество. Но здесь, в этом городишке... Боже милостивый! Эйлин с отвращением сморщила свой хорошенький носик.

– Какая мерзкая дыра! – Больше у нее ничего не нашлось сказать о самом молодом, самом кипучем городе Запада.

Зато Чикаго с его шумной и день ото дня все более суетливой жизнью пришелся ей по душе. Каупервуд, хотя и был всецело поглощен своими финансовыми махинациями, все же не забывал и об Эйлин – заботился о том, чтобы она не скучала в одиночестве. Он просил ее ездить по магазинам и покупать все, что вздумается, а потом рассказывать ему о своих впечатлениях, и Эйлин делала это с превеликим удовольствием – разъезжала по городу в открытом экипаже, нарядная, красивая, в широкополой коричневой шляпе, выгодно оттенявшей ее бело-розовую кожу и червонное золото волос. Иногда вечерами Каупервуд возил ее кататься по главным улицам города. Когда Эйлин впервые увидела простор и богатство Прери-авеню, Норс-Шор-Драйв, Мичиган-авеню и новые, окруженные зелеными газонами особняки на бульваре Эшленд, она точно так же, как и Каупервуд, почувствовала, что по жилам у нее пробежал огонек, – мечты, надежды, дерзания этого города зажгли ей кровь. Все эти роскошные дворцы были отстроены совсем недавно. И все заправили Чикаго, подобно ее Фрэнку, лишь недавно стали богачами. Эйлин как будто даже забыла о том, что она еще не жена Каупервуда, и чувствовала себя его законной супругой. Улицы, окаймленные красивыми тротуарами из желтовато-коричневых плит, обсаженные молодыми деревцами; зеленые, гладко подстриженные газоны; серые макадамовые мостовые; чуть колеблемые июньским ветерком кружевные занавески в окнах, защищенных от солнца пестрыми полотняными маркизами, – все это волновало воображение Эйлин. Как-то они катались по берегу озера, и она, глядя на молочно-голубую с зеленоватым отливом воду, на чайки, на белеющие вдали паруса и новые нарядные дома вдоль берега, мечтала о том, что когда-нибудь станет хозяйкой одного из таких великолепных особняков. О, как важно будет она себя держать тогда, как роскошно одеваться! Они построят себе шикарный особняк, в сто раз лучше того, что был у Фрэнка в Филадельфии. Особняк – дворец с огромным балльным залом и огромной столовой, и они с Фрэнком будут давать в нем балы и обеды и как равные равных принимать у себя всех чикагских богачей!

– Как ты думаешь, Фрэнк, будет у нас когда-нибудь такой же красивый дом? – спросила она мечтательно.

– Вот слушай, что я надумал, – отвечал Каупервуд. – Если тебе нравится этот район, мы купим участок на Мичиган-авеню, но строиться подождем. А как только в Чикаго у меня появятся прочные связи и я решу, чем мне тут заняться, мы построим себе прекрасный дом, будь покойна. Прежде всего нужно уладить это дело с разводом и тогда уж начинать новую жизнь. А до тех пор, если мы хотим обосноваться здесь, нам лучше не привлекать к себе внимания. Ты согласна со мной?

Время близилось к шести часам, ослепительный летний день еще не начинал угасать, но зной спал, тень от домов на западной стороне улицы легла на мостовую, и воздух был теплый и ароматный, как подогретое вино. По улице длинной вереницей катились нарядные экипажи – катанье было любимой утехой чикагского «света» и для многих едва ли не единственной возможностью щегольнуть своим богатством (социальные прослойки города определились еще недостаточно четко). В позвякивании упряжи – медной, серебряной и даже накладного золота – слышался голос успеха или упования на успех. По этой улице, одной из главных артерий города – Виа Аппиа, его южной части, – спешили домой из деловых кварталов, с фабрик и из контор все ретивые охотники за наживой. Богатые горожане, лишь изредка встречавшиеся друг с другом на деловой почве, обменивались любезными поклонами. Нарядные дамы и молодые щеголи, дочери и сыновья чикагских богачей или их красавицы жены в кабриолетах, колясках и новомодных ландо устремлялись к деловой части города, чтобы отвезти домой утомившихся за хлопотливый день мужей или отцов, друзей или родственников. Здесь царила

атмосфера успеха, надежд, беспечности и того самоуспокоения, которое порождается материальными благами, их обладанием. Выхоленные чистокровные рысаки проносились, обгоняя друг друга, по длинной, широкой, окаймленной газонами улице, мимо роскошных особняков, самодовольно кичливых, выставяющих напоказ свое богатство.

– О-о! – вскричала Эйлин при виде всех этих сильных, уверенных в себе мужчин, красивых женщин, элегантных молодых людей и нарядных девиц, улыбающихся, веселых, обменивающихся поклонами, всего этого удивительного и показавшегося ей столь романтическим мира. – Я бы хотела жить в Чикаго. По-моему, здесь даже лучше, чем в Филадельфии.

При упоминании о городе, где он, несмотря на всю свою изворотливость, потерпел крах, Каупервуд крепко стиснул зубы, и его холеные усики, казалось, приобрели еще более вызывающий вид. Пара, которой он правил, была поистине бесподобна – тонконогие, нервные животные, горячие и капризные. Каупервуд терпеть не мог жалких, непородистых кляч. Когда он правил, держась очень прямо, в нем виден был знаток и любитель лошадей, и его сосредоточенная энергия как бы передавалась животным. Эйлин сидела рядом с ним, тоже выпрямившись, горделивая и самодовольная.

– Правда, прелестна? – заметила одна из дам, когда коляска Каупервуда поравнялась с ее экипажем.

«Что за красотка!» – думали мужчины, и некоторые даже выражали эту мысль вслух.

– Видела ты ее? – восторженно спросил один мальчик-подросток у своей сестры.

– Будь покойна, Эйлин, – сказал Каупервуд с той железной решимостью, которая не допускает и мысли о поражении, – мы тоже найдем свое место здесь. Верь мне, у тебя в Чикаго будет все, чего бы ты ни пожелала, и даже больше того.

Все его существо в эту минуту, казалось, излучало энергию, и она, словно электрический ток, передавалась от кончиков его пальцев – через вожжи – лошадям, заставляя их бежать все резвее. Кони горячились и фыркали, закидывая головы.

У Эйлин распирало грудь от обуревавших ее желаний, надежд, тщеславия. О, скорей бы стать миссис Фрэнк Алджернон Каупервуд, хозяйкой роскошного особняка здесь, в Чикаго! Рассылать приглашения, которыми никто не посмеет пренебречь, приглашения, равносильные приказу!

«Ах, если бы... – вздохнула она про себя. – Если бы все это уже сбылось... скорей бы!»

Так жизнь, возведя человека на вершину благополучия, продолжает и там дразнить и мучить его. Впереди всегда остается что-то недостижимое, вечный соблазн и вечная неудовлетворенность.

О жизнь, надежды, юные года!
Мечты крылатые! Все сгинет без следа.

Глава IV

Питер Лафлин и К^о

Компаньон, которого в конце концов подыскал себе Каупервуд в лице опытного старого маклера Торговой палаты Питера Лафлина, не оставлял желать ничего лучшего. Лафлин, длинный как жердь, сухопарый старик, большую часть жизни провел в Чикаго, куда он явился еще совсем мальчишкой из штата Миссури. Это был типичный чикагский маклер старой школы, очень напоминавший лицом покойного президента Эндрю Джексона, и такой же долговязый, как Генри Клей, Дэви Крокет и «Длинный Джон» Уэнтворт.

Каупервуда с юности почему-то привлекали чудаки, да и они льнули к нему. При желании он мог приспособиться к любому человеку, даже если тот отличался большими странностями. В пору своих первых паломничеств на Ла-Саль-стрит Каупервуд справлялся на бирже о лучших агентах и, желая к ним приглядеться, давал им разные мелкие поручения. Таким образом он напал однажды на Питера Лафлина, комиссионера по продаже пшеницы и кукурузы. У старика была собственная небольшая контора на Ла-Саль-стрит, неподалеку от биржи. Он спекулировал зерном и акциями восточных железных дорог и выполнял подобные операции по поручениям своих клиентов. Лафлин, сметливый, прижимистый американец, предки которого, вероятно, были выходцами из Шотландии, обладал всеми типично американскими недостатками: он был неотесан, груб, любил сквернословить и жевал табак. Каупервуд с первого же взгляда понял, что Лафлин должен быть в курсе дел всех сколько-нибудь видных чикагских коммерсантов и что уже по одному этому старик для него находка. Кроме того, по всему было видно, что человек он прямодушный, скромный, непритязательный, а эти качества Каупервуд ценил в компаньоне превыше всего.

За последние три года Лафлину раза два сильно не повезло, когда он пытался самолично организовать «корнеры»; и на бирже сложилось мнение, что старик робеет, проще говоря, стал трусоват. «Вот такой-то мне и нужен!» – решил Каупервуд и однажды утром отправился к Лафлину, чтобы открыть у него небольшой счет.

Входя в его просторную, но запущенную и пропыленную контору, Каупервуд услышал, как старик говорил совсем еще юному и необычайно сосредоточенному и мрачному с виду клерку, – на редкость подходящему помощнику для Питера Лафлина:

– Сегодня, Генри, возьми мне акций Питсбург – Эри. – Заметив стоявшего в дверях Каупервуда, Лафлин повернулся к нему: – Чем могу служить?

«Так он говорит «акций». Недурно! – подумал Каупервуд и усмехнулся. – Старикан мне нравится».

Каупервуд представился как приезжий из Филадельфии и сказал, что интересуется чикагскими предприятиями, охотно купит любые солидные бумаги, имеющие шансы на повышение, но особенно желал бы приобрести пакет какой-нибудь компании – предпочтительно предприятий общественного пользования, размах деятельности которых с ростом города будет, несомненно, расширяться.

Старик Лафлин – ему уже стукнуло шестьдесят, – член Торговой палаты и обладатель капитала тысяч в двести по меньшей мере, с любопытством взглянул на Каупервуда.

– Кабы вы, сударь мой, заявили сюда этак лет десять или пятнадцать назад, вам легко было бы вступить в любое дело. Тут и газовые общества учреждали – их прибрали к рукам эти молодчики, Отвей и Аперсон, – тут и конку тогда проводили. Я сам надоумил Эди Паркинсона взяться за постройку линий на Северной Стэйт-стрит, доказал ему, что на ней можно зашибить немало денег. Он мне посулил тогда пачку акций, если дело выгорит, да так ничего и не дал. Я, впрочем, на это и не надеялся, – рассудительно добавил он и покосился на Каупервуда. –

Я стреляный воробей, меня на мякине не проведешь. А теперь и его самого оттуда вытеснили. Шайка Майкла и Кеннели ободрала его как липку. Да, годков десять-пятнадцать назад можно было живо конку к рукам прибрать. А сейчас и думать нечего. Сейчас акции продаются по сто шестьдесят долларов штука. Вот так-то, сударь мой!

Каупервуд любезно улыбнулся.

– Сразу видно, мистер Лафлин, что вы давно на чикагской бирже. Вы так хорошо осведомлены даже о том, что здесь происходило десятки лет назад.

– С самого тысяча восемьсот пятьдесят второго года, сударь мой, да-с, – отвечал старик.

Густые жесткие волосы щетинились у него надо лбом наподобие петушиного гребня, длинный острый подбородок сильно выдавался вперед навстречу большому с горбинкой носу, скулы резко выступали над впалыми и желтыми, как пергамент, щеками. А глаза были зоркие и пронзительные, как у рыси.

– По правде говоря, мистер Лафлин, – продолжал Каупервуд, – главная цель моего приезда в Чикаго – подыскать себе компаньона. Я сам занимаюсь банковскими и маклерскими операциями на Востоке. У меня собственная фирма в Филадельфии, я член нью-йоркской и филадельфийской фондовых бирж. Есть у меня кое-какие дела и в Фарго. Любая банкирская контора даст вам исчерпывающие сведения обо мне. Вы член здешней Торговой палаты и, по всей вероятности, ведете операции на нью-йоркской и филадельфийской биржах. Новая фирма, если только вы пожелаете войти со мной в компанию, могла бы заниматься всем этим непосредственно на месте. В Чикаго я человек новый, но я располагаю порядочным капиталом и вообще думаю здесь обосноваться. Не согласитесь ли вы стать моим компаньоном? Мы, пожалуй, уживемся в одной конторе, как по-вашему?

Когда Каупервуд хотел кому-нибудь понравиться, он имел обыкновение соединять ладони и постукивать кончиками пальцев друг о друга; при этом он улыбался, вернее сказать, сиял улыбкой – столько тепла и как будто даже приязни светило в его глазах.

А Питер Лафлин под старость начал тяготиться своим одиночеством и очень желал, чтобы кто-нибудь пришел к нему с подобным предложением. Не решившись доверить ни одной женщине заботу о своей несколько своеобразной особе, он остался холост. Женщин он не понимал, все его отношения с ними ограничивались тем низменным и жалким развратом, который покупается за деньги, а на такие траты Лафлин никогда не был особенно щедр. Жил он в западной части города на Харисон-стрит, занимал три крохотные комнатки и, случалось, сам себе стряпал. Единственным его другом и товарищем был маленький спаниель, бесхитростное и преданное животное, – сучка по кличке Дженни, которая всегда спала у него в ногах. Дженни была очень понятлива, кротка и послушна; весь день она терпеливо просиживала в конторе, дожидаясь старика, а вечером они вместе отправлялись домой. Лафлин разговаривал со своим спаниелем совсем как с человеком, – пожалуй, даже более откровенно, принимая за ответы преданный взгляд собачьих глаз и виляние хвоста. Он не любил долго нежиться в постели и обычно вставал часов в пять, а то и в четыре утра, натягивал на себя брюки (ванну он уже давно отвык принимать, приурочивая мытье к стрижке в парикмахерской) и начинал беседовать с Дженни.

– Вставай, Дженни, – говорил он. – Пора вставать. Сейчас мы с тобой заварим кофе и сядем завтракать. Думаешь, я не вижу, что ты давно проснулась и только прикидываешься, будто спишь. Пора, пора, вставай. Хватит валяться. Не позднее моего вчера легла.

А Дженни умильно косилась на него, постукивала хвостиком по кровати и чуть-чуть пошевеливала ухом.

Когда же Лафлин был совсем готов – умыт, одет, его старый, скрученный в веревочку галстук повязан свободным и удобным узлом, а волосы тщательно зачесаны кверху, – Дженни проворно соскакивала с кровати и принималась бурно прыгать по комнате, словно говоря: «Смотри, как я быстро».

– Ну, конечно, – притворно ворчал Лафлин. – Всегда последняя. Хоть бы ты разок, Дженни, поднялась первой. Так нет же, пусть, мол, старик сначала встанет.

В сильные холода, когда коченели уши и пальцы, а колеса конки пронзительно взвизгивали на поворотах, Лафлин, облачившись в заношенное драповое пальто старинного покроя и нахлобучив шапку, сажал Дженни в темно-зеленый мешок, где уже лежала пачка акций, составлявших на данный день предмет его размышлений и забот, и ехал в город. Иначе Дженни не пустили бы в вагон. Но обычно старик шел пешком со своей собачкой: ходьба доставляла ему удовольствие. В контору он являлся рано, в половине восьмого – в восемь, хотя занятия начинались только с девяти, и просиживал там до пяти вечера; если посетителей не было, он читал газеты или что-нибудь вычислял и подсчитывал, а не то, свистнув Дженни, шел прогуляться или заходил к кому-нибудь из знакомых дельцов. Биржа, контора, улица, отдых дома и вечерняя газета – вот все, чем он жил. Театр, книги, картины, музыка его не интересовали вообще, а женщины интересовали только весьма односторонне. Ограниченность его кругозора была столь очевидна, что для такого любителя чудаков, как Каупервуд, он действительно был находкой. Но Каупервуд только пользовался слабостями подобных людей – вникать в их душевную жизнь ему было некогда.

Как Каупервуд и предполагал, Лафлин был прекрасно осведомлен обо всем, что касалось финансовой жизни Чикаго, дельцов и сделок, выгодных комбинаций, возможностей помещения капитала, а то немногое, чего старик не знал, как обычно потом оказывалось, и знать не стоило. Прирожденный коммерсант, он, однако, был начисто лишен организаторских и административных способностей и потому не мог извлечь для себя никакой пользы из своих знаний и опыта. К барышам и убыткам Лафлин относился довольно хладнокровно. Понесся урон, он только щелкал пальцами и повторял: «Эх, черт, незачем мне было ввязываться!» А оставшись в барыше или твердо рассчитывая на таковой, блаженно улыбался, жевал табак и в разгаре торга вдруг выкрикивал: «Спешите, ребята! Пользуйтесь случаем!» Его трудно было втянуть в какую-нибудь мелкую биржевую спекуляцию; он выигрывал и терял, только когда игра была крупной и шла в открытую или когда он проводил какую-нибудь хитроумную комбинацию собственного изобретения.

Каупервуд и Лафлин к соглашению пришли не сразу, хотя в общем довольно быстро. Старик хотел хорошенько подумать, несмотря на то, что Каупервуд понравился ему с первого взгляда. Собственно говоря, уже с самого начала было ясно, что он станет жертвой и послушным орудием Каупервуда. Они встречались изо дня в день и обсуждали подробности соглашения, пока наконец Лафлин, верный своей природе, не потребовал себе равной доли в деле.

– Ну, полноте! Я же знаю, что вы это говорите не всерьез, Лафлин, – мягко заметил Каупервуд.

Разговор происходил в кабинете Лафлина под конец делового дня, и старик с упоением жевал табак, чувствуя, что ему сегодня предстоит разрешить весьма интересную задачу.

– У меня место на нью-йоркской бирже, – продолжал Каупервуд, – это одно уже стоит сорок тысяч долларов. Затем место на филадельфийской, которое ценится выше, чем ваше здесь. Это, как вы сами понимаете, основной актив фирмы. Она будет оформлена на ваше имя. Но я не стану скупиться. Вместо трети, которая вам по-настоящему причитается, я дам вам сорок девять процентов, и фирму мы назовем «Питер Лафлин и К^о». Вы мне нравитесь, и я уверен, что вы будете мне очень полезны. Не беспокойтесь, со мной вы заработаете больше, чем зарабатываете без меня. Я мог бы, конечно, найти себе компаньона среди этих молодых франтиков на бирже, но не хочу. Словом, решайте, и мы немедленно приступим к работе.

Лафлин был чрезвычайно польщен тем, что Каупервуд захотел взять его в компаньоны. Старик последнее время все чаще замечал, что молодое поколение маклеров – эти вылощенные, самодовольные юнцы – смотрит на него как на старого, выжившего из ума чудака. А тут смелый, энергичный, молодой делец из Восточных штатов, лет на двадцать моложе его и не

менее, а скорее всего более ловкий, чем он, как опасливо подумал Лафлин, предлагает ему деловое сотрудничество. Кроме того, Каупервуд был так полон энергии, так уверен в себе и так напорист, что на старика словно пахнуло весной.

– Да я за именем не больно-то гонюсь, – отвечал Лафлин. – Это как хотите. Но если вам дать пятьдесят один процент, значит, хозяином дела будете вы. Ну да ладно, я человек покладистый, спорить не стану. Я своего тоже не упущу.

– Значит, решено! Только вот помещение надо бы сменить, Лафлин. Здесь у вас как-то мрачновато.

– А это уж дело ваше, мистер Каупервуд. Мне все едино. Сменить так сменить.

Неделю спустя со всеми формальностями было покончено, а еще через две недели над дверями роскошного помещения в нижнем этаже дома на углу улиц Ла-Саль и Медисон, в самом центре деловой части города, появилась вывеска: «Питер Лафлин и К°, хлеботорговая и комиссионная контора».

– Вот и раскуси старого Лафлина! – заметил один маклер другому, прочитав название фирмы на тяжелых бронзовых дощечках, прибитых по обе стороны двери, выходившей на угол, и, окидывая взглядом огромные зеркальные стекла, добавил: – Я думал, старик вовсе на нет сошел, а он, гляди, как развернулся. Кто же этот его компаньон?

– Не знаю. Говорят, какой-то приезжий из Восточных штатов.

– В гору пошел, ничего не скажешь. Какие стекла поставил!

Так началась финансовая карьера Фрэнка Алджернона Каупервуда в Чикаго.

Глава V

О делах семейных

Тот, кто полагает, что Каупервуд действовал поспешно или опрометчиво, вступая в компанию с Лафлином, плохо представляет себе трезвую и расчетливую натуру этого человека. За тринадцать месяцев, проведенных в филадельфийской тюрьме, Каупервуд имел время как следует обо всем поразмыслить, проверить свои взгляды на жизнь, на то, кому принадлежит господство в обществе, и раз навсегда избрать себе линию поведения. Он может, должен и будет властвовать один! Никому и ни при каких обстоятельствах не позволит он распоряжаться собой и если иной раз и снизойдет к просьбе, то просителем не будет никогда! Хватит того, что он уже однажды жестоко поплатился, связавшись в Филадельфии со Стинером. Он на голову выше всех этих бездарных и трусливых финансистов и дельцов и сумеет это доказать. Люди должны вращаться вокруг него, как планеты вокруг Солнца.

Когда в Филадельфии перед ним захлопнулись все двери, он понял, что с точки зрения так называемого хорошего общества репутация его замарана и неизвестно, удастся ли ему когда-нибудь ее восстановить. Размышляя об этом между делом, он пришел к выводу, что должен искать себе союзников не среди богатой и влиятельной верхушки, проникнутой духом кастовости и снобизма, а среди начинающих талантливых финансистов, которые только что выбились или еще выбиваются в люди и не имеют надежды попасть в общество. Таких было немало. А если ему повезет и он добьется финансового могущества, тогда уже можно будет диктовать свою волю обществу. Индивидуалист до мозга костей, не желающий считаться ни с кем и ни с чем, Каупервуд был чужд подлинного демократизма, а вместе с тем люди из народа были ему больше по сердцу, чем представители привилегированного класса, и он лучше понимал их. Этим, быть может, и объяснялось отчасти, что Каупервуд взял себе в компаньоны такого самобытного и чудаковатого человека, как Питер Лафлин. Он выбрал его, как выбирает хирург, приступая к операции, нужный ему инструмент, и теперь старому Питеру Лафлину при всей его прозорливости предстояло быть всего только орудием в ловких и сильных руках Каупервуда, простым исполнителем замыслов другого, на редкость изворотливого и гибкого ума. До поры до времени Каупервуда вполне устраивало работать под маркой фирмы «Питер Лафлин и К°» – это позволяло, не привлекая к себе внимания, в тиши обдумать и разработать два-три мастерских хода, с помощью которых он надеялся утвердиться в деловом мире Чикаго.

Однако для успеха финансовой карьеры Каупервуда и светской карьеры его и Эйлин в новом городе необходимо было прежде всего добиться развода: адвокат Каупервуда Харпер Стеджер из кожи вон лез, стараясь снискать расположение миссис Каупервуд, которая столь же мало доверяла адвокатам, как и своему непокорному мужу. Теперь это была сухая, строгая, довольно бесцветная женщина, сохранившая, однако, следы былой, несколько блеклой красоты, в свое время пленившей Каупервуда. Тонкие морщинки залегли у нее вокруг глаз, носа и рта. На лице ее всегда были написаны осуждение, покорность судьбе, сознание собственной правоты и обида.

Вкрадчиво-любезный Стеджер, напоминавший ленивой грацией манеры сытого кота, неторопливо подстерегающего мышь, как нельзя лучше подходил для предназначенной ему роли. Коварством и беспринципностью он мог кого угодно заткнуть за пояс. Казалось, его девизом было: говори мягко, ступай неслышно.

– Моя дорогая миссис Каупервуд, – убеждал он свою жертву, сидя как-то раз весенним вечером в скромной гостиной ее квартирки в западной части Филадельфии. – Мне незачем вам говорить, что муж ваш – человек незаурядный и что бороться с ним бесполезно. Он во многом перед вами виноват – я не отрицаю – очень во многом, – при этих словах миссис Каупервуд

нетерпеливо передернула плечами, – но мне кажется, вы слишком требовательны к нему. Вы же знаете, что за человек мистер Каупервуд, – Стеджер беспомощно развел своими тонкими, изящными руками, – силой его ни к чему не принудишь. Это натура исключительная, миссис Каупервуд. Человек посредственный, перенеся столько, сколько перенес он, никогда не сумел бы так быстро подняться. Послушайте дружеского совета, отпустите его на все четыре стороны! Дайте ему развод. Он готов обеспечить вас и детей, он искренне этого хочет. Я уверен, он позаботится об их будущем. Но его раздражает ваше нежелание юридически оформить разрыв, и, если вы станете упорствовать, я очень опасаясь, что дело может быть передано в суд. Так вот, пока до этого не дошло, мне бы от души хотелось достигнуть приемлемого для вас соглашения. Вы знаете, как огорчила меня вся эта история, я не перестаю сожалеть о случившемся.

Тут мистер Стеджер с сокрушенным видом закатил глаза, словно скорбя о том, что все так изменчиво и непостоянно в этом мире.

Миссис Каупервуд терпеливо – в пятнадцатый или двадцатый раз – выслушала его до конца. Каупервуда все равно не вернешь. Стеджер относится к ней не хуже и не лучше любого другого адвоката. К тому же он такой обходительный, вежливый. Несмотря на его макиавеллиеву профессию, миссис Каупервуд склонна была ему поверить. А Стеджер мягко, осторожно продолжал приводить все новые и новые доводы. В конце концов – это было в двадцать первое его посещение – он с огорченным видом сообщил ей, что Каупервуд решил прекратить оплату ее счетов и снять с себя всякие материальные обязательства, пока суд не определит, сколько он должен ей выплатить, сам же он, Стеджер, отказывается от дальнейшего ведения дела. Миссис Каупервуд поняла, что нужно уступить, и поставила свои условия. Если муж выделит ей и детям двести тысяч долларов (таково было предложение самого Каупервуда), а в будущем, когда их единственный сын Фрэнк подрастет, пристроит его к какому-нибудь делу, она согласна. Миссис Каупервуд шла на развод очень неохотно, как-никак это означало победу Эйлин Батлер. Впрочем, эта гадкая женщина навеки опозорена. После скандала в Филадельфии ее никто и на порог не пустит. Лилиан подписала составленную Стеджером бумагу, и благодаря стараниям этого медоточивого джентльмена местный суд быстро и без лишней огласки рассмотрел дело. А месяца полтора спустя три филадельфийские газеты кратко сообщили о расторжении брака. Прочитав эти несколько строк, миссис Каупервуд даже удивилась, что пресса уделила так мало внимания этому событию. Она опасалась, что их развод наделает много шума. Лилиан и не подозревала, сколько изворотливости проявил обворожительный адвокат ее мужа, чтобы умаслить печать и правосудие. Когда Каупервуд в один из своих приездов в Чикаго, просматривая филадельфийские газеты, прочел те же несколько строк, у него вырвался вздох облегчения. Наконец-то! Теперь он женится на Эйлин. Он тут же послал ей поздравительную телеграмму, смысл которой могла понять только она. Когда Эйлин прочла ее, она затрепетала от радости. Итак, скоро она станет законной женой Фрэнка Алджернона Каупервуда, новоявленного чикагского финансиста, и тогда...

– Неужели это правда! Наконец-то я буду миссис Каупервуд! Какое счастье! – твердила она, читая и перечитывая телеграмму.

А миссис Фрэнк Алджернон Каупервуд номер первый, вспоминая все: измену мужа, его банкротство, тюремное заключение, сногшибательную операцию, которую он провел в момент краха «Джея Кука и К°», и его теперешние финансовые успехи, недоумевала, почему так странно устроена жизнь. Ведь есть же бог на свете! В Библии это стоит черным по белому. И муж ее при всех своих пороках не такой уж дурной человек, он хорошо обеспечил семью, и дети его любят. И уж, конечно, когда его засадили в тюрьму, он был не хуже многих других, которые разгуливали на свободе. Но его осудили; она жалела его и всегда будет жалеть. Он умный человек, хотя и бессердечный. Почему же все так вышло? Нет, во всем виновата эта гадкая, пустая, тщеславная девчонка Эйлин Батлер. Она его соблазнила, а теперь, конечно, женит на себе. Но бог ее накажет. Непременно накажет. И миссис Каупервуд ходила в церковь

по воскресеньям и старалась верить, что как бы там ни было, а все в этом мире устраивается к лучшему.

Глава VI

Воцарение Эйлин

В тот день, когда Каупервуд и Эйлин поженились – для совершения этой церемонии они сошли с поезда в глухом местечке Дальтон, не доезжая Питсбурга, – он сказал ей:

– Пойми, дорогая, мы с тобой начинаем теперь новую жизнь. А как она обернется, зависит только от нас самих. По-моему, на первых порах в Чикаго нам следует держаться поскромнее. Кое с кем мы, конечно, будем встречаться. Это неизбежно. Эддисоны, например, давно хотят познакомиться с тобой, я и так слишком долго откладывал эту встречу. Но я считаю, что очень расширять круг знакомств не стоит. Начнутся расспросы, разговоры. Лучше немного потерпеть, а тем временем построить себе хороший дом, который не придется потом перестраивать. Весной, если все сложится хорошо, мы поедем в Европу, посмотрим, как там строятся, и, может быть, позаимствуем какую-нибудь идею. Я хочу, чтобы у нас в доме была большая картинная галерея, – кстати, будем подыскивать во время путешествия интересные полотна и антикварные вещи.

Эйлин сразу же загорелась этой мыслью.

– Ты просто изумителен, Фрэнк! – восторженно вырвалось у нее. – Ты всегда добиваешься всего, чего хочешь!

– Ну, положим, не всегда, – возразил он, – иной раз одного желания недостаточно. Многое, Эйлин, зависит и от удачи.

Она стояла перед ним, положив, как часто это делала, свои холеные, униженные кольцами руки ему на плечи, и глядела, не отрываясь, в его холодные светлые глаза. Другой человек, столь же изворотливый, как Каупервуд, но менее сильный и властный, не выдержал бы этого испытующего взгляда. Но Каупервуд на любопытство и недоверие окружающих отвечал таким кажущимся чистосердечием и детским простодушием, что сразу всех обезоруживал. Объяснялось это тем, что он верил в себя, только в себя, и потому имел смелость не считаться с мнениями других. Эйлин дивилась ему, но разгадать его не могла.

– Знаешь, Фрэнк, ты похож на тигра, – сказала она, – или на огромного страшного льва. У-у-у, боюсь!

Он шутливо ущипнул ее за щеку и улыбнулся. Бедняжка Эйлин, подумал он. Где ей разгадать его, если он сам для себя загадка.

Тотчас же после брачной церемонии Каупервуд и Эйлин поехали в Чикаго, где на первое время заняли лучший номер в отеле «Тремонт». Вскоре они услышали, что на углу Двадцать третьей улицы и Мичиган-авеню сдается на один-два сезона небольшой особняк, с полной обстановкой и даже с собственным выездом. Они немедленно подписали контракт, наняли дворецкого, прислугу и обзавелись всем, что необходимо для «хорошего дома». И Каупервуд – не затем, чтобы повести наступление на чикагское общество, это он считал преждевременным и пока неразумным, а просто по долгу вежливости – пригласил Эддисонов и еще двух-трех человек, которые, по его глубокому убеждению, не откажутся прийти: председателя правления Чикагской Северо-Западной железной дороги Александра Рэмбо с женой и архитектора Тейлора Лорда. К последнему Каупервуд незадолго перед тем обращался за советом и нашел, что он человек достаточно светский. Лорд, как и Эддисоны, был принят в обществе, но большого веса там не имел.

Стоит ли говорить, что Каупервуд все предусмотрел и устроил как нельзя лучше. Серый каменный особнячок, который он снял, был очарователен. Гранитная лестница с фигурными перилами вела к широкой парадной двери, расположенной в арке. Благодаря удачному сочетанию цветных стекол в вестибюль проникал приятный мягкий свет. Дом, по счастью, был

обставлен с большим вкусом. Заботу о меню обеда и сервировке стола Каупервуд возложил на одного из лучших рестораторов, так что Эйлин оставалось лишь нарядиться и ждать гостей.

– Ты сама понимаешь, – сказал ей Каупервуд утром, собираясь ехать к себе в контору, – как мне хочется, детка, чтобы ты сегодня была особенно хороша. Тебе необходимо понравиться Эддисонам и Рэмбо.

Этого намека для Эйлин было более чем достаточно, а впрочем, и его, пожалуй, не требовалось. По приезде в Чикаго она подыскала себе камеристку-француженку. И хотя Эйлин привезла с собой из Филадельфии целый ворох нарядов, она все-таки заказала у лучшей и самой дорогой чикагской портнихи, Терезы Доновен, еще несколько вечерних туалетов. Только накануне ей принесли зеленое кружевное платье на золотисто-желтом шелковом чехле, удивительно гармонизировавшее с ее волосами цвета червонного золота и молочно-белыми плечами и шеей. В день обеда будуар Эйлин был буквально завален шелками, кружевом, бельем, гребнями, косметикой, драгоценностями – словом, всем, к чему прибегает женщина, чтобы казаться обворожительной. Для Эйлин подбор туалета всегда был сопряжен с подлинными творческими муками; ею овладевала бурная энергия, беспокойство, она лихорадочно суетилась, так что ее камеристка Фадета едва поспевала за ней. Приняв ванну, Эйлин – стройная белокожая Венера, – быстро надела шелковое белье, чулки и туфельки и приступила к прическе. Фадета внесла свое предложение. Не угодно ли мадам испробовать новую прическу, которую она недавно видела. Мадам не возражала. Они обе принялись укладывать тяжелые, отливающие золотом пряди то одним, то другим манером, но почему-то все получалось не так, как хотела Эйлин. Попробовали было заплести косы, но и от этой мысли пришлось отказаться. Наконец на лоб были спущены два пышных валика, подхваченные перекрещивающимися темно-зелеными лентами, которые посередине скрепляла алмазная звезда. Эйлин в прозрачном, отделанном кружевами пеньюаре из розового шелка подошла к трюмо и долго внимательно себя разглядывала.

– Хорошо, – сказала она наконец, повертывая голову то в одну, то в другую сторону.

Теперь настал черед платья от Терезы Доновен. Оно скользило и шуршало в руках. Надевая его, Эйлин сомневалась, будет ли оно ей к лицу. Фадета суетилась, возясь с бесчисленными застежками и прилаживая платье у корсажа и на плечах.

– О мадам, *charmant!*² – воскликнула она, когда все было готово. – Это так идет к вашим волосам. И так пышно, богато тут, – и она указала на кружевную баску, драпировавшую бедра. – О, это очень, очень мило!

Эйлин зарделась от удовольствия, но лицо ее оставалось серьезным. Она была озабочена. За свой наряд она не особенно беспокоилась, но Фрэнк сказал, что она непременно должна понравиться гостям, а мистер Эддисон – такой богатый человек, принятый в лучшем обществе, да и мистер Рэмбо тоже занимает высокое положение. Как бы не ударить в грязь лицом, вот чего она опасалась. Недостаточно произвести впечатление на этих мужчин своей внешностью, их надо занять разговором, да притом еще блеснуть светскими манерами, а это совсем не легко. Хотя в Филадельфии Эйлин была окружена богатством и роскошью, ей не приходилось ни бывать в свете, ни принимать у себя сколько-нибудь важных гостей. Из всех людей, с которыми она до сих пор встречалась, Фрэнк был самым значительным. У мистера Рэмбо жена, вероятно, строгая, старозаветных взглядов. О чем с ней говорить? А миссис Эддисон! От той, конечно, ничто не укроется, она все подметит и все осудит. Эйлин настолько углубилась в свои мысли, что чуть было не принялась утешать себя вслух, не переставая, впрочем, охорашиваться перед зеркалом.

Когда Эйлин, предоставив Фадете убирать разбросанные принадлежности туалета, наконец сошла вниз взглянуть, все ли готово в столовой и гостиной, она была ослепительно хороша.

---

² Прелестно! (*фр.*)

Нельзя было не залюбоваться ее великолепной фигурой в зеленом кружеве на золотистом шелку, ее роскошными волосами, матовой белизной ее безупречных плеч и рук, округлостью бедер, точеной шеей. Она знала, как она красива, и все-таки волновалась. Что-то скажет Фрэнк? Эйлин заглянула в столовую: цветы, серебро, золото, хрусталь, расставленные умелой рукой метрдотеля на белоснежной скатерти, придавали столу сходство с грудой драгоценных камней на белом атласе дорогого футляра. Словно опалы, мягко переливающиеся всеми цветами радуги, подумала Эйлин. Оттуда она прошла в гостиную. На розовом с позолотой рояле лежала заранее приготовленная стопка нот; Эйлин решила блеснуть своим единственным светским талантом и с этой целью отобрала романсы и пьесы, которые ей лучше всего удавались; в сущности, она была довольно посредственной пианисткой. Сегодня впервые в жизни Эйлин чувствовала себя не девочкой, а замужней дамой, хозяйкой дома, и понимала, какую это налагает на нее ответственность и как трудно ей будет справиться со своей новой ролью. По правде говоря, Эйлин всегда подмечала в жизни только чисто внешнюю, показную, псевдоромантическую сторону, и все ее представления были так туманны и расплывчаты, что она ни в чем не отдавала себе ясного отчета, ни на чем не умела сосредоточиться. Она умела только мечтать – пылко и безудержно. Было уже около шести часов; ключ звякнул в замке, и вошел улыбающийся, спокойный Фрэнк, внося с собой атмосферу уверенности.

– Хорошо, очень хорошо! – воскликнул он, разглядывая Эйлин, освещенную теплым сиянием сотен свечей, горевших в золоченых бра. – Да это лесная фея пожаловала к нам сюда! Я просто не смею к тебе прикоснуться. Что, плечи у тебя сильно напудрены?

Он привлек ее к себе, а она с чувством облегчения подставила губы для поцелуя. По всему было видно, что он находит ее прелестной.

– Осторожно, милый, ты сейчас весь будешь в пудре. Ну, да, впрочем, тебе все равно надо переодеться, – и Эйлин обвила его шею полными, сильными руками.

Каупервуд был доволен и горд: вот такую и надо иметь жену – красавицу! Ожерелье из бирюзы оттеняло белизну ее шеи, и как ни портили ее рук кольца, надетые по два и по три на палец, эти руки все-таки были прекрасны. От ее кожи исходил тонкий аромат не то гиацинта, не то лаванды. Каупервуду понравилась ее прическа, но еще больше – великолепие наряда, блеск желтого шелка, светившегося сквозь частую сетку зеленых кружев.

– Очаровательно, детка. Ты превзошла самое себя. Но этого платья я еще не видел. Где ты его раздобыла?

– Здесь, в Чикаго.

Каупервуд сжал теплые пальцы Эйлин и заставил ее повернуться, чтобы посмотреть шлейф.

– Да, тебя учить не приходится. Ты, я вижу, могла бы быть законодательницей мод.

– Значит, все в порядке? – кокетливо спросила Эйлин, но в глубине души она еще сомневалась, сумеет ли она ему угодить.

– Превосходно! Лучше и придумать нельзя. Великолепно!

Эйлин воспрянула духом.

– Хорошо, если б и твои друзья были того же мнения. Ну, а теперь иди переодеваться.

Каупервуд поднялся к себе наверх, Эйлин последовала за ним, мимоходом еще раз заглянув в столовую. Тут, во всяком случае, все в порядке: Фрэнк умеет принимать гостей.

В семь часов послышался стук колес подъезжающего экипажа, и дворецкий Луис поспешил отворить дверь. Спускаясь вниз, Эйлин слегка волновалась – а вдруг она не сумеет занять гостей? – и напряженно придумывала, что бы такое сказать им приятное. Следовавший за нею Каупервуд, напротив, был уверен в себе и оживлен. В своем будущем он никогда не сомневался, не сомневался и в том, что устроит будущее Эйлин, стоит ему только захотеть. Трудное восхождение по крутым ступеням общественной лестницы, которое так пугало Эйлин, нимало не тревожило его.

С точки зрения кулинарии и сервировки обед удался на славу. Каупервуд благодаря разносторонности своих интересов умело поддерживал оживленную беседу с мистером Рэмбо о железных дорогах, а с Тейлором Лордом об архитектуре, – правда, на том уровне, на каком способный студент беседует с профессором; разговор с дамами также не затруднял его. Эйлин же, к сожалению, чувствовала себя скованной, но не потому, что была глупее или поверхностнее собравшихся, а просто потому, что она имела лишь очень смутное представление о жизни. Многие оставались для нее закрытой книгой, многое было лишь неясным отзвуком, напоминавшим о чем-то, что ей довелось мимоходом услышать. О литературе она не знала почти ничего и за всю свою жизнь прочла лишь несколько романов, которые людям с хорошим вкусом показались бы пошлыми. В живописи все ее познания ограничивались десятком имен знаменитых художников, слышанных когда-то от Каупервуда. Но все эти недостатки искупались ее безупречной красотой, тем, что сама она была как бы произведением искусства, излучающим свет и радость. Холодный, рассудительный и сдержанный Рэмбо сразу понял, какое место должна занимать Эйлин в жизни такого человека, как Каупервуд. Подобной женщиной он и сам не прочь был бы обладать.

У сильных натур влечение к женщине обычно не угасает, а подчас лишь подавляется стоической воздержанностью. Увлекаться, как известно, можно без конца, но чего ради? Не стоит хлопот, решают многие. Однако Эйлин была так блистательна, что в Рэмбо заговорило мужское честолюбие. Он глядел на нее почти с грустью. Когда-то и он был молод. Но, увы, ему никогда не случалось взволновать воображение столь прекрасной женщины. Теперь, любясь Эйлин, Рэмбо сожалел, что такая удача не выпала на его долю.

Рядом с ярким и пышным нарядом Эйлин скромное серое шелковое платье миссис Рэмбо с высоким, чуть не до ушей воротом выглядело строго, даже как-то укоризненно, но миссис Рэмбо держалась с таким достоинством, так любезно и приветливо, что впечатление это сглаживалось. Уроженка Новой Англии, воспитанная на философии Эмерсона, Торо, Чаннинга, Филлипса, она отличалась большой терпимостью. К тому же ей нравилась хозяйка дома и вся ее несколько экзотическая пышность.

– У вас прелестный домик, – сказала она Эйлин с мягкой улыбкой. – Я давно обратила на него внимание. Ведь мы живем неподалеку и, можно сказать, почти соседи с вами.

Глаза Эйлин засветились признательностью. Хотя она не могла вполне оценить миссис Рэмбо, та ей нравилась: в ней было что-то располагающее, и Эйлин понимала ее – скорее чутьем, чем разумом. Такой, вероятно, была бы ее мать, если бы получила образование. Когда все двинулись в гостиную, дворецкий доложил о Тейлоре Лорде. Каупервуд, взяв архитектора под руку, подвел его к жене и гостям.

Лорд, плотный, высокий мужчина с умным, серьезным лицом, подошел к хозяйке дома.

– Миссис Каупервуд, – сказал он, с восхищением глядя на Эйлин, – разрешите мне в числе других приветствовать вас в Чикаго. После Филадельфии вам на первых порах многого будет не доставать здесь, но я уверен, что со временем вы полюбите наш город.

– О, я не сомневаюсь, – улыбнулась Эйлин.

– Когда-то и я жил в Филадельфии, правда, очень недолго, – добавил Лорд. – И вот тоже перебрался сюда.

Эйлин на мгновение замялась, однако быстро овладела собой. К такого рода случайностям надо быть всегда готовой, ей могут встретиться неожиданности и похуже.

– Чем же плох Чикаго? – поспешила она продолжить разговор. – Мне нравится этот город. Жизнь здесь кипит ключом, не то что в Филадельфии.

– Рад это слышать. Я сам влюблен в Чикаго. Может быть, потому, что мне тут открылось широкое поле деятельности.

Для чего такой красавице образование, размышлял Лорд, любясь роскошными волосами и плечами Эйлин; он сразу определил, что она не принадлежит к числу развитых и умных женщин.

Дворецкий доложил о новых гостях, и в гостиную вошли супруги Эддисон. Банкир, не задумываясь, принял приглашение Каупервуда: положение его в Чикаго было достаточно прочным, и потому они с женой могли поступать, как им заблагорассудится.

– Как дела, Каупервуд? – спросил он, дружески кладя руку на плечо хозяина дома. – Очень мило, что вы пригласили нас. Верите ли, миссис Каупервуд, вот уж скоро год, как я твержу вашему мужу, чтобы он привез вас сюда. Он не говорил вам? (Эддисон еще не посвятил свою жену в историю Каупервуда и Эйлин.)

– Ну, конечно, говорил, – весело отвечала Эйлин, видя, что ее красота произвела впечатление на Эддисона. – А как я рвалась сюда! Это его вина, что я так долго не приезжала.

Изумительно хороша, думал между тем Эддисон, разглядывая Эйлин. Так вот кто причина развода Каупервуда с первой женой. Ничего удивительного. Восхитительное создание. Он невольно сравнивал ее со своей женой и, конечно, не в пользу последней. Миссис Эддисон никогда не была так хороша, так эффектна, зато здравого смысла у нее куда больше. Ах, черт возьми, если б и ему обзавестись такой красоткой! Жизнь снова заиграла бы яркими красками. У Эддисона бывали любовные приключения. Он тщательно их скрывал, но они у него бывали.

– Очень рада познакомиться с вами, – говорила тем временем миссис Эддисон, полная дама, увешанная драгоценностями, обращаясь к Эйлин. – Наши мужья уже успели стать друзьями, нам тоже надо будет почаще встречаться.

Миссис Эддисон продолжала непринужденно болтать о разных пустяках, и Эйлин казалось, что она неплохо справляется со своей ролью хозяйки. Бесшумно вошел дворецкий и поставил на столик в углу поднос с винами и закусками. За обедом беседа стала еще оживленнее, заговорили о росте города, о новой церкви, которую строил Лорд на той же улице, где жили Каупервуды; потом Рэмбо рассказал несколько забавных историй о мошенничестве с земельными участками. Общество явно развеселилось. Эйлин прилагала все усилия, чтобы сблизиться с обеими дамами. Миссис Эддисон казалась ей более приятной, вероятно потому, что с ней было легче поддерживать разговор. Эйлин не могла не понимать, что миссис Рэмбо и умнее, и сердечнее, но как-то побаивалась ее. Впрочем, очень скоро Эйлин выдохлась и должна была прибегнуть к помощи Лорда. Архитектор с рыцарской галантностью пришел ей на выручку и принялся болтать обо всем, что ему приходило на ум. Все мужчины, кроме Каупервуда, думали о том, как великолепно сложена Эйлин, какая у нее ослепительная кожа, какие округлые плечи, какие роскошные волосы!

Глава VII

Газовые предприятия Чикаго

Старик Лафлин, помолодевший и воодушевленный смелыми замыслами Каупервуда, всячески способствовал процветанию фирмы. Он сообщал своему компаньону биржевые слухи и сплетни, а также собственные, подчас очень тонкие догадки о том, что затевает та или иная группа или тот или иной биржевик, и Каупервуд оборачивал эти сведения в свою пользу.

Наутро, после почти бессонной ночи в своей одинокой постели, старик нередко говорил Каупервуду:

– А ведь, ей-богу, я, кажется, додумался, куда эти молодчики гнут. Это все та же банда с боем орудует. (Под бандой он подразумевал крупных биржевых спекулянтов вроде Арнила, Хэнда, Шрайхарта и других.) Опять всю кукурузу скупить хотят. Или я больше уж ничего не смыслю, или нам тоже нужно немедленно покупать впрок. Как вы на это смотрите, Фрэнк?

Каупервуд, уже постигший многие неизвестные ему ранее уловки местных дельцов и с каждым днем приобретающий все больший опыт, обычно тут же принимал решение.

– Ну что ж, рискнем на сотню тысяч бушелей. Мне думается, что железнодорожные «Нью-Йорк сентрал» упадут пункта на два в ближайшие дни. Давайте запродавать их на пункт ниже курса.

Лафлин недоумевал, как это Каупервуд ухитряется так быстро ориентироваться в местных делах и не менее быстро, чем он сам, принимать решения. Когда дело касается акций и других ценностей, котирующихся на восточных биржах, – это понятно, но как он умудрился так быстро постичь все тонкости чикагской биржи?

– Откуда вы это знаете? – спросил он однажды Каупервуда, сильно заинтригованный.

– Да очень просто: вчера, когда вы были на бирже, сюда заходил Антон Видера (один из директоров Хлеботоргового банка), он все и рассказал мне, – откровенно отвечал Каупервуд и со слов Видера обрисовал Лафлину биржевую конъюнктуру.

Лафлин знал Видера, богатого предприимчивого поляка, который за последние годы заметно пошел в гору. Просто поразительно, как Каупервуд легко сходится с богачами, как быстро приобретает их доверие. Лафлин понимал, что с ним Видера никогда бы не стал так откровенничать.

– Гм! Ну, если Видера сказал, значит, это так. Надо действовать.

И Лафлин действовал, а фирма «Питер Лафлин и К^о» оказывалась в барышах.

Но хотя хлеботорговое и комиссионное дело и сулило каждому из компаньонов тысяч двадцать годового дохода, Каупервуд смотрел на него лишь как на источник информации.

Боясь распылять средства, чтобы не оказаться в таком же отчаянном положении, как в пору чикагского пожара, Каупервуд подыскивал себе солидное дело, которое сравнительно скоро начало бы приносить очень большой постоянный доход. Ему удалось заинтересовать своими планами небольшую группу чикагских дельцов, которые к нему приглядывались, – Джуда Эддисона, Александра Рэмбо, Миларда Бэйли, Антона Видера; хотя это были не бог знает какие тузы, но все они располагали свободными средствами. Каупервуд знал, что они охотно откликнутся на любое серьезное предложение.

Больше всего привлекали Каупервуда газовые предприятия Чикаго: тут представлялась возможность захватить исподтишка великолепный источник наживы – завладеть никем еще не занятой областью и установить там свое безраздельное господство. Получив концессию, – каким путем, читатель догадается сам, – он мог, подобно Гамилькару Барке, проникшему в самое сердце Испании, или Ганнибалу, подступившему к воротам Рима, предстать перед местными газопромышленниками и потребовать капитуляции и раздела награбленного.

В то время освещение города находилось в руках трех газовых компаний. Каждая из них обслуживала свой район или, как говорили в Чикаго, «сторону»: Южную, Западную и Северную. Самой крупной и преуспевающей была Чикагская газовая, осветительная и коксовая компания, основанная в 1848 году в южной части города. Всеобщая газовая, осветительная и коксовая, снабжавшая газом Западную сторону, возникла несколькими годами позже и обязана была своим появлением на свет глупой самоуверенности учредителей и директоров Южной компании, полагавших, что они во всякое время сумеют получить разрешение муниципалитета на прокладку газопровода в других частях города; они никак не ожидали, что Западный и Северный районы начнут так быстро заселяться. Третья компания – Северо-чикагская газовая – была основана почти одновременно с Западной и в силу тех же причин, ибо та оказалась столь же непредусмотрительной, как и Южная. Впрочем, при получении концессий все учредители заявляли, что предполагают ограничить свою деятельность только той частью города, где они проживают.

Сначала Каупервуд намеревался скупить акции всех трех компаний и слить их в одну. С этой целью он стал выяснять финансовое и общественное положение акционеров. Он полагал, что, предложив за акции втрое или вчетверо больше, чем они стоили по курсу, он сумеет завладеть контрольными пакетами. А затем, после объединения компаний, можно будет выпустить новые акции на огромную сумму, расплатиться с кредиторами и, сняв богатый урожай, остаться самому во главе дела. В первую очередь Каупервуд обратился к Джуду Эддисону, считая его наиболее подходящим партнером для осуществления своего замысла. Впрочем, Эддисон был нужен ему не столько как компаньон, сколько как вкладчик.

– Вот что я вам скажу, – внимательно выслушав его, заявил Эддисон. – Вы напали на блестящую мысль. Даже удивительно, как это до сих пор никому не пришло в голову. Но если вы не хотите, чтобы вас кто-нибудь опередил, то держите язык за зубами. У нас в Чикаго много предприимчивых людей. Я-то к вам расположен, и на меня вы можете рассчитывать. Правда, открыто участвовать в этом деле мне неудобно, но я позабочусь, чтобы вам был открыт кредит. Очень неплохая мысль – учредить единую держательскую компанию или трест под вашим председательством. Я уверен, что вы с этим справитесь. Но повторяю: я буду участвовать в деле только как вкладчик, а вам придется подыскать еще двух-трех человек, которые бы вместе со мной гарантировали нужную сумму. Есть у вас кто-нибудь на примете?

– Да, конечно. Я просто раньше всего обратился к вам, – отвечал Каупервуд и назвал Рэмбо, Видера, Бэйли и других.

– Ну что ж, очень хорошо, если вы сумеете их привлечь, – сказал Эддисон. – Но я даже и в этом случае еще не уверен, что вам удастся уговорить акционеров и директоров старых компаний расстаться со своими акциями. Это не обычные акционеры. Они смотрят на свое газовое предприятие как на кровное дело. Они его создали, свыклись с ним; они строили газгольдеры, прокладывали трубы. Все это не так просто, как вам кажется.

Эддисон оказался прав. Каупервуд скоро убедился, что не так легко заставить директоров и акционеров старых компаний пойти на какую бы то ни было реорганизацию. Более подозрительных и несговорчивых людей ему еще никогда не приходилось встречать. Они наотрез отказались уступить ему свои акции, даже по цене, втрое или вчетверо превышавшей их биржевой курс. Акции газовых компаний котировались от ста семидесяти до двухсот десяти долларов, и по мере того как город рос и потребность в газе увеличивалась, возрастала и стоимость акций. К тому же предложение объединить компании исходило от никому не известного лица, и уже одно это казалось всем подозрительным. Кто он такой? Чьи интересы представляет? А Каупервуд хотя и мог доказать, что располагает значительным капиталом, но раскрыть имена тех, кто стоял за ним, не хотел. Директора и члены правления одной фирмы подозревали в этом предложении козни директоров и членов правления другой и считали, что все это подстроено с единственной целью добиться контроля, а потом вытеснить всех конкурентов. С какой

стать продавать свои акции? Зачем гнаться за большими барышами, когда они и так не внакладе? Каупервуд был новичком в Чикаго, связей со здешними крупными дельцами он еще не успел завязать, и потому ему не оставалось ничего другого, как придумать новый план наступления на газовые общества. Он решил создать для начала несколько компаний в пригородах. Такие пригороды, как Лейк-Вью и Хайд-парк, имели собственные муниципалитеты, которые пользовались правом предоставлять акционерным компаниям, зарегистрированным согласно законам штата, концессии на прокладку водопровода, газовых труб и линий городских железных дорог. Каупервуд рассчитывал, что, учредив отдельные, якобы независимые друг от друга компании в каждом из таких пригородов, он сумеет раздобыть концессию и в самом городе, а тогда уж старые акционерные общества будут поставлены на колени и он начнет диктовать им свои условия. Все сводилось к тому, чтобы получить разрешения и концессии до того, как спохватятся конкуренты.

Трудность заключалась еще в том, что Каупервуд был совершенно незнаком с газовыми предприятиями, не имел ни малейшего понятия о том, как вырабатывается газ, как снабжается им город, и никогда раньше этими вопросами не интересовался. Другое дело конка – эту отрасль городского хозяйства он знал как свои пять пальцев и к тому же считал самой прибыльной; однако здесь, в Чикаго, пока, видимо, не было никаких возможностей прибрать к рукам этот наиболее соблазнительный для него источник дохода. Все это Каупервуд тщательно обдумал, взвесил, почитал кое-какую литературу о производстве газа, а потом ему, как обычно, повезло – подвернулся нужный человек.

Выяснилось, что наряду с Чикагской газовой, осветительной и коксовой компанией на Южной стороне когда-то, очень недолго, существовала другая, менее крупная компания, основанная неким Генри де Сото Сиппенсом. Этот Сиппенс посредством каких-то сложных махинаций раздобыл концессию на производство газа и снабжение им деловой части города, но его так допекали всякими исками, что в конце концов он был вынужден бросить дело. Теперь у него была контора по продаже недвижимости в Лейк-Вью. Питер Лафлин знал его.

– Ну, это дока! – отозвался о нем старик. – Было время, когда я думал, что он на газе состояние наживет, да вот схватили его за горло, и пришлось ему все-таки выпустить лакомый кусочек. Тут у него на реке газгольдер взорвался. Я думаю, он сразу понял, чьих это рук дело. Как бы там ни было, а от своей затеи он отказался. Что-то давненько я о нем не слышал.

Каупервуд послал старика к Сиппенсу разузнать, что тот сейчас делает, и спросить, не хочет ли он опять заняться газом. И вот несколько дней спустя в контору «Питер Лафлин и К^о» явился Генри де Сото Сиппенс собственной персоной. Это оказался маленький человечек лет пятидесяти в высоченной жесткой фетровой шляпе, кургузом коричневым пиджачке (который он летом сменял на полотняный) и в штиблетах с тупыми носками: он походил не то на деревенского аптекаря, не то на букиниста, но было в нем что-то от провинциального врача или нотариуса. Манжеты мистера Сиппенса вылезали из рукавов несколько больше, чем следует, галстук был, пожалуй, слишком пышен, шляпа слишком сдвинута на затылок; в остальном же он имел вид хотя и своеобразный, но вполне благопристойный и даже не лишенный приятности. Лицо Сиппенса украшали воинственно топорщившиеся рыжевато-каштановые бачки и кустистые брови.

– Вы как будто занимались одно время газом, мистер Сиппенс? – вежливо обратился к нему Каупервуд.

– Да, и уж, во всяком случае, я не меньше других смыслю в этом деле! – несколько вызывающе отвечал Сиппенс. – Я с ним возился не год и не два.

– Так вот, мистер Сиппенс, я надумал открыть небольшое газовое предприятие в одном из здешних пригородов, – они так быстро растут, что, мне кажется, это дело может стать довольно прибыльным. Сам я мало разбираюсь в технике газового производства и хотел бы пригласить хорошего специалиста. – При этих словах Каупервуд многозначительно и друже-

любно взглянул на Сиппенса. – Я слышал о вас как о человеке опытном и хорошо знакомом со здешними условиями. В случае, если мне удастся создать компанию с достаточным капиталом, может быть, вы согласитесь занять в ней пост управляющего?

«Здешние условия мне даже слишком хорошо известны. И ничего из этого не выйдет», – хотел было ответить Сиппенс, но передумал.

– Что ж, если мне предложат приличное вознаграждение, – сказал он осторожно. – Вы ведь, вероятно, представляете себе, с какими трудностями вам придется столкнуться?

– Примерно представляю, – с улыбкой отвечал Каупервуд. – Но что вы называете «приличным» вознаграждением?

– Тысяч шесть в год и известная доля в прибылях компании, скажем, половина или около того – тогда еще стоило бы подумать, – отвечал Сиппенс, намереваясь, по-видимому, отпугнуть Каупервуда своими непомерными требованиями. Контора по продаже недвижимости приносила ему около шести тысяч в год.

– А если я вам предложу по четыре тысячи в нескольких компаниях – это составит в общей сложности тысяч пятнадцать – и, скажем, десятую долю от прибылей?

Сиппенс мысленно взвешивал сделанное ему предложение. Совершенно очевидно, что сидящий перед ним человек не какой-нибудь легкомысленный новичок. Он бросил испытующий взгляд на Каупервуда и понял, что этот делец готовится к серьезной схватке. Еще десять лет назад Сиппенс разгадал, какие огромные возможности таят в себе газовые предприятия. Он уже пробовал свои силы на этом поприще, но его затаскали по судам, замучили штрафами, лишили кредита и в конце концов взорвали газгольдер. Он не мог этого забыть и всегда горько сожалел, что не в силах отомстить своим противникам. Сиппенс уже привык считать, что время борьбы для него миновало, а тут перед ним сидел человек, замысливший план грандиозной битвы; слова Каупервуда прозвучали для него, как призыв охотничьего рога для старой гончей.

– Что ж, мистер Каупервуд, – уже с меньшим задором и более дружелюбно ответил он, – недурно было бы познакомиться с вашим предложением поближе, а вообще-то я по газу специалист. Все, что касается машинного оборудования, прокладки труб, получения концессий, я знаю назубок. Я строил газовый завод в Дайтоне, штат Огайо, и в Рочестере, штат Нью-Йорк. Приехать бы мне сюда чуть пораньше, и я был бы теперь состоятельным человеком! – В голосе его прозвучало сожаление.

– Вот вам, мистер Сиппенс, превосходный случай наверстать упущенное, – соблазнял его Каупервуд. – Между нами говоря, в Чикаго создается новое и очень крупное газовое предприятие. Старым компаниям скоро придется потесниться. Ну как? Это вас не прельщает? В деньгах у нас недостатка не будет. Да и не в них сейчас дело: нам нужен человек – организатор, делец, специалист, который мог бы строить заводы, прокладывать трубы и все прочее.

Каупервуд внезапно поднялся во весь рост – обычный его прием, когда он хотел произвести на кого-нибудь впечатление. И теперь стоял перед Сиппенсом – олицетворение силы, борьбы, победы.

– Итак, решайте!

– Я согласен, мистер Каупервуд! – воскликнул Сиппенс. Он тоже вскочил и надел шляпу, сильно сдвинув ее на затылок. В эту минуту он очень походил на драчливого петуха.

Каупервуд пожал протянутую ему руку.

– Приводите в порядок дела у себя в конторе. Ваша первоочередная задача – выхлопотать мне концессию в Лейк-Вью и приступить к постройке завода. Необходимая помощь и поддержка вам будет оказана. Через неделю, самое большее через десять дней, я все для вас подготовлю. Нам, очевидно, потребуется хороший поверенный, а может быть, даже два.

Выходя из конторы, Сиппенс внутренне ликовал, и на лице его сияла торжествующая улыбка. Кто бы мог подумать, чтобы сейчас, через десять лет!.. Теперь он покажет этим жуликам! Теперь он не один: с ним рядом настоящий боец, такой же закаленный, как он сам. От его

врагов только пух да перья полетят. Но кто же этот человек? Давно он таких не встречал. Надо бы разузнать о нем. Тем не менее Сиппенс уже сейчас готов был за Каупервуда в огонь и в воду.

Глава VIII

Военные действия открыты

Когда Каупервуд, потерпев неудачу в своих переговорах с газовыми компаниями, изложил Эддисону новый план – организовать конкурирующие компании в пригородах, банкир взглянул на него с нескрываемым восхищением.

– Ловко придумано! – воскликнул он. – О, да у вас мертвая хватка! Вы их одолеете.

Эддисон посоветовал Каупервуду заручиться поддержкой наиболее влиятельных лиц в пригородных муниципалитетах.

– Насчет честности все они там один другого стоят, – сказал он. – Но есть два-три отъявленных мошенника, на которых можно рассчитывать больше, чем на остальных, они-то и делают погоду. Поверенного вы уже пригласили?

– Нет. Я еще не нашел подходящего человека.

– Это, как вы сами понимаете, очень важно. Есть тут один старик, генерал Ван-Сайкл. Он здорово понаторел на таких делах. На него, пожалуй, можно положиться.

Появление на сцене генерала Джадсона П. Ван-Сайкла с самого начала бросило тень на все предприятие. Старый вояка – теперь ему было за пятьдесят, – Ван-Сайкл в Гражданскую войну командовал дивизией, но настоящую свою карьеру сделал, составляя фиктивные документы на право владения землей в Южном Иллинойсе, а затем, чтобы узаконить мошенничество, он подавал в суд, в котором заседали его приятели и сообщники, и выигрывал дело. Теперь он был более или менее преуспевающим стряпчим, взимавшим с клиентов весьма солидный гонорар, но до процветания генералу все же было далеко, ибо к нему обращались только по делам сомнительного свойства. Своими повадками он напоминал барана-провокатора на бойнях, ведущего перепуганное и упирающееся стадо своих собратьев под нож и достаточно смышленного, чтобы всегда вовремя отстать и спасти собственную шкуру. Старый крючкотвор и сутяжник, на чьей совести лежало великое множество подложных завещаний, нарушенных обязательств, двусмысленных контрактов и соглашений, подкупивший на своем веку столько судей, присяжных, членов муниципалитета и законодательного собрания, что и не счесть, он постоянно измышлял все новые юридические уловки и каверзы. Предполагалось, что у генерала имеются большие связи среди политиков, судей, адвокатов, которым он оказывал немалые услуги в прошлом. Брался он за любое дело – главным образом потому, что это было какое-то занятие, избавлявшее его от скуки. Зимой, если кто-нибудь из клиентов настаивал на встрече с ним, генерал натягивал на себя старую потрепанную шинель серого сукна, снимал с вешалки засаленную, потерявшую всякую форму фетровую шляпу и, низко надвинув ее на тусклые серые глаза, пускался в путь. Летом костюм его всегда имел такой вид, словно он по неделям спал в нем, не раздеваясь. К тому же он почти непрестанно курил. Ван-Сайкл немного походил лицом на генерала Гранта: такая же всклокоченная седая борода и усы, такие же взъерошенные седые волосы, свисающие прядками на лоб. Бедняга генерал! Он не был ни очень счастлив, ни очень несчастлив: Фома неверующий, он безучастно относился к судьбам человечества, не возлагал на него никаких надежд и ни к кому не был привязан.

– Вы не представляете себе, что такое муниципальные советы в пригородах, мистер Каупервуд, – многозначительно заметил Ван-Сайкл, когда с предварительными переговорами было покончено. – Городской муниципалитет плох, а эти и того хуже. Без денег к таким мелким плутам и ходить нечего. Я не сужу людей строго, но эта шатия... – И он сокрушенно покачал головой.

– Понимаю, – отозвался Каупервуд. – Они не умеют быть благодарными за оказанные им одолжения.

– Да на них положиться нельзя, – продолжал генерал. – Кажется, обо всем договорились, все порешили, а у них на уме одно: как бы подороже тебя продать. Им ничего не стоит переметнуться на сторону той же Северной компании и открыть ей все ваши карты. Тогда опять плати, а конкурент еще накинёт, и пошло, и пошло... – Тут генерал изобразил на своей физиономии крайнее огорчение. – Впрочем, и среди этих господ есть один-два таких, с которыми можно столковаться, – добавил он. – Понятно, если их заинтересовать. Я имею в виду мистера Дьюниуэя и мистера Герехта.

– Видите ли, генерал, мне вовсе не важно, как это будет сделано, – приятно улыбаясь, заметил Каупервуд. – Главное – чтобы все было сделано быстро и без лишнего шума. У меня нет ни времени, ни охоты входить во все подробности. Скажите, можно ли получить концессии, не привлекая к себе особого внимания, и во что это обойдется?

– Надо посмотреть, а так сразу сказать трудно, – задумчиво отвечал генерал. – Может обойтись и в четыре тысячи, может и во все сорок четыре, а то и больше. Бог его знает. Надо хорошенько осмотреться, кое-что разведать. – Старику хотелось выпытать у Каупервуда, сколько тот намерен затратить на это дело.

– Хорошо, не будем пока этого касаться. Скаредничать я не собираюсь. Я пригласил сюда Сиппенса, председателя Газотопливной компании Лейк-Вью, он скоро должен прийти. Вам придется работать с ним.

Несколько минут спустя явился Сиппенс. Получив распоряжение всемерно поддерживать друг друга и в деловых переговорах ни в коем случае не упоминать имени Каупервуда, они вместе покинули кабинет своего патрона. Странная это была пара: многоопытный, но опустившийся, ко всему равнодушный, ни во что не верящий старый флегматик генерал и щеголеватый, живой Сиппенс, мечтавший отомстить своему давнишнему врагу – могущественной Южной газовой компании – и использовать как орудие мести скромную на первый взгляд компанию, которая создавалась на северной окраине города. Минут через десять они уже отлично спелись: генерал посвятил Сиппенса в то, как скареден и нечистоплотен в своей общественной деятельности советник Дьюниуэй и как, напротив, обязателен Джейкоб Герехт, – конечно, отнюдь не задаром. Но что делать – такова жизнь!

Взяв себе за правило не ставить все на одну карту, Каупервуд решил пригласить для газовой компании Хайд-парка второго юриста, а в качестве ее председателя привлечь еще одно подставное лицо – это вовсе не означало, что он намерен отказаться от услуг де Сото Сиппенса, которого предполагалось оставить техническим консультантом всех трех или даже четырех компаний. Каупервуд как раз подыскивал подходящих людей, когда некий Кент Бэрроуз Мак-Кибен, молодой юрист, единственный сын бывшего члена верховного суда штата Иллинойс Маршала Скэммона Мак-Кибена, обратил на себя его внимание. Мак-Кибену исполнилось тридцать три года. Он был высок ростом, атлетически сложен и в общем недурен собой. Он очень ловко вел свои дела, но при этом был человек вполне светский и порой держался даже несколько надменно. У него была собственная контора в одном из лучших домов на Дирборн-стрит, куда он, замкнутый и холодный, являлся каждое утро к девяти часам, если только какое-нибудь важное дело не требовало его присутствия в деловой части города еще раньше. Случилось так, что компания по продаже недвижимости, у которой Каупервуд приобрел земельные участки на Тридцать седьмой улице и на Мичиган-авеню, поручила Мак-Кибену составить купчие. Заготовив документы, он отправился в контору Каупервуда узнать, не пожелает ли тот внести в них какие-нибудь дополнения. Когда Мак-Кибен вошел в кабинет, Каупервуд окинул его острым, испытующим взглядом, и адвокат сразу ему понравился: он был в меру сдержан и в меру изыскан. Каупервуду понравилось, как он одет, понравился его скептически-непроницаемый вид и светская непринужденность. Мак-Кибен, в свою очередь, отметил костюм Каупервуда, дорогую обстановку кабинета и понял, что имеет дело с финансистом крупного масштаба. На Каупервуде был светло-коричневый с искоркой сюртук и выдер-

жанный в таких же тонах галстук; в манжеты вместо запонок были продеты две маленькие камни. Покрытый стеклом письменный стол выглядел строго и внушительно. Панели и мебель были из полированного вишневого дерева, на стенах в строгих рамах висели хорошие гравюры, изображавшие сцены из истории Америки. На видном месте стояла пишущая машинка – тогда они еще были внове, а биржевой телеграф, тоже новинка, неутомительно отстукивал последние биржевые курсы. Секретаршей у Каупервуда служила молоденькая полька Антуанета Новак, красивая брюнетка, сдержанная и, по-видимому, очень расторопная.

– Кстати, какие дела вы обычно ведете, мистер Мак-Кибен? – как бы между прочим спросил Каупервуд. И, выслушав ответ, вскользь заметил: – Загляните ко мне на будущей неделе. Может быть, у меня найдется для вас что-нибудь подходящее.

Если бы кто-нибудь другой предложил Мак-Кибену, пусть даже в такой деликатной форме, руку помощи, это задело бы его самолюбие, но тут он был очень обрадован и польщен. Этот делец так поразил воображение молодого юриста, что ему изменило обычное бесстрашие.

Когда он в следующий раз пришел к Каупервуду и тот рассказал ему, какого рода услуг он ждет от него, Мак-Кибен сразу же клюнул на приманку.

– Поручите это мне, мистер Каупервуд, – с живостью сказал он, – я хоть никогда и не занимался подобными делами, но уверен, что справлюсь. Я живу в Хайд-парке и знаю почти всех членов муниципального совета. Думаю, что мне удастся на них воздействовать.

Каупервуд в ответ одобрительно улыбнулся.

Так была основана вторая компания, во главе которой Мак-Кибен поставил своих людей. Де Сото Сиппенс, без ведома старого генерала Ван-Сайкла, привлекли в качестве технического консультанта. Затем было написано ходатайство о предоставлении концессии, и Кент Бэрроуз Мак-Кибен исподволь повел тонкую подготовительную работу на Южной стороне, постепенно завоевывая доверие одного члена муниципалитета за другим.

Позднее появился еще третий поверенный – Бэртон Стимсон, самый молодой и, может быть, самый ловкий из всех троих, – бледный темноволосый юноша с горящим взглядом, ни дать ни взять шекспировский Ромео. Он иногда выполнял кое-какие мелкие поручения Лафлина. Каупервуд предложил ему работать на Западной стороне, где общее руководство было возложено на старика Лафлина, а техникой ведал де Сото Сиппенс. Стимсон, однако, был отнюдь не мечтательным Ромео, а весьма энергичным и предприимчивым молодым человеком из очень бедной семьи, страстно желавшим выбиться в люди. Ему была присуща та гибкость ума, которая могла отпугнуть многих, но только не Каупервуда, ибо Каупервуду нужны были умные слуги. Он давал им работу, изысканно вежливо обходился с ними и щедро вознаграждал, но взамен требовал рабской преданности. И Стимсон, правда, сохраняя независимый и самоуверенный вид, всячески раболепствовал перед Каупервудом. Так уж складываются человеческие отношения.

И вот на северной, южной и западной окраинах Чикаго началось какое-то странное оживление, встречи, секретные переговоры. В Лейк-Вью старый генерал Ван-Сайкл и де Сото Сиппенс совещались с оборотистым членом муниципалитета аптекарем Дьюниуэем и районным боссом – оптовым мясоторговцем Джейкобом Герехтом, любезнейшими, но довольно требовательными джентльменами. Эти господа принимали посетителей в задних комнатах своих лавок, где беседовали с ними по душам, расценивая только что не по прейскуранту собственные услуги и услуги своих приспешников.

В Хайд-парке мистер Кент Бэрроуз Мак-Кибен, лохотенный и изысканно одетый, своего рода лорд Честерфилд среди адвокатов, а также Дж. Дж. Бергдол, длинноволосый, неопрятный наймит «из благородных», подставной председатель Хайд-паркской газотопливной компании, заседали вместе с членом муниципалитета Альфредом Б. Дэвисом, фабрикантом плетеных изделий, мистером Патриком Джилгеном, кабатчиком, заранее распределяя акции, барыши,

привилегии и прочие блага. В поселках Дуглас и Вест-парк на Западной стороне, возле самой черты города, долговязый чудаковатый Лафлин и Бэртон Стимсон заключали такие же сделки.

Противник – три разобщенные городские газовые компании – был застигнут врасплох. Когда до них дошел слух, что в пригородные муниципалитеты поступили ходатайства о предоставлении концессий, компании немедленно заподозрили друг друга в захватнических стремлениях, предательстве и грабеже. Они снарядили в ближайшие муниципалитеты своих пронырливых юристов, но директора компаний все еще не догадывались, кто заправляет маленькими пригородными компаниями и чем это им грозит. Однако, прежде чем они успели заявить протест и надумали сунуть кому надо приличный куш, чтобы сохранить за собой прилегающие к их территории пригороды, прежде чем они успели начать юридическую борьбу, – предложения о выдаче концессий уже были внесены на рассмотрение муниципалитетов и после первого же чтения и одного открытого, как того требует закон, обсуждения приняты почти единогласно. Кое-какие мелкие пригородные газетки, которых обделили при раздаче вознаграждений, попытались было поднять шум. Но крупные чикагские газеты отнеслись к известию довольно безразлично, поскольку дело шло о дальних пригородах; они отметили только, что предместья, видимо, успешно следуют по стопам погрязшего в мздоимстве городского муниципалитета.

Прочтя в утренних газетах, что муниципалитеты утвердили концессии, Каупервуд улыбнулся. А в ближайшие дни он уже с удовлетворением выслушал сообщение Лафлина, Сиппенса, Мак-Кибена и Ван-Сайкла о том, что старые компании подсылают к ним своих агентов, предлагая купить у них контрольные пакеты акций или дать им отступного за концессии. Вместе с Сиппенсом он рассматривал проекты будущих газовых заводов. Надо было приступить к выпуску и размещению облигаций, к продаже акций на бирже, заключению договоров на всевозможные поставки, к постройке резервуаров, газгольдеров, прокладке труб. Не менее важно было успокоить взбудораженное общественное мнение. Во всех этих делах де Сото Сиппенс оказался незаменимым. Пользуясь советами Ван-Сайкла, Мак-Кибена и Стимсона, которые действовали каждый в своем районе, он коротко докладывал Каупервуду о своих планах и, получив в ответ одобрительный кивок, покупал участки, рыл котлованы, строил. Каупервуд был так им доволен, что решил оставить его при себе и на будущее. Де Сото, в свою очередь, довольный тем, что ему представился случай свести старые счеты и начать ворожить большими делами, был от души признателен Каупервуду.

– С этими мошенниками нам предстоит еще немало возни, – не без злорадства заявил он однажды своему патрону. – Вот увидите, они начнут нас донимать всякими кляузами. Кто их знает, они могут объединиться. Того и гляди, завод у нас взорвут, как в свое время взорвали у меня газгольдер.

– Пусть взрывают, взрывать и мы умеем и судиться умеем тоже. Я не прочь... Мы их так прижмем, что они запросят пощады. – В глазах Каупервуда заиграли веселые огоньки.

Глава IX

В погоне за победой

Между тем Эйлин в новой для нее роли хозяйки дома тоже кое в чем преуспела, ибо хотя всем и было ясно, что Каупервудов в свете примут не сразу, но богатство этих людей не позволяло пренебрегать знакомством с ними. Привязанность Каупервуда к жене заставляла многих снисходительней относиться к Эйлин. Ее находили грубоватой и дурно воспитанной, но считали, что с таким мужем и наставником, как Каупервуд, можно всего добиться. Таково было, в частности, мнение миссис Эддисон и миссис Рэмбо. Мак-Кибен и Лорд рассуждали примерно так же. Если только Каупервуд любит Эйлин, а это, по-видимому, так, он, конечно, сумеет «продвинуть» ее в общество. Каупервуд действительно по-своему любил Эйлин. Он не мог забыть, что она совсем еще девочкой нашла в себе силы пренебречь условностями и всем для него пожертвовала, хотя знала, что он женат, что у него есть дети, знала, какой это будет удар для ее родных. Как пылко, как беззаветно она его полюбила! Она не жеманничала, не хитрила, не колебалась. Он с самого начала был «ее Фрэнк», да и теперь она любила его не меньше, чем в те незабываемые, почти страшные дни их первой близости. Каупервуд всегда это чувствовал. Эйлин могла с ним ссориться, капризничать, дуться, спорить, подозревать и укорять его в том, что он ухаживает за другими женщинами, но какое-нибудь мимолетное увлечение не встревожило бы ее, – так, во всяком случае, она утверждала. Правда, у нее не было оснований сомневаться в нем. Она готова простить ему все, решительно все, уверяла она, и сама этому искренне верила, если только он будет по-прежнему ее любить.

– Ах ты, разбойник! – говорила она шутливо. – Я тебя насквозь вижу. Думаешь, я не замечаю, как ты заглядываешься на женщин? Эта стенографисточка у тебя в конторе очень недурна. Наверно, ты уже за ней приударил.

– Не глупи, Эйлин, – отмахивался Каупервуд. – Ну, зачем говорить глупости! Ты прекрасно знаешь, что я никогда не свяжусь с какой-то стенографисткой. Контора – неподходящее место для флирта.

– Неподходящее? Ну уж не втирай мне очки. Будто я тебя не знаю! Для тебя всякое место подходящее.

Каупервуд смеялся, а за ним смеялась и Эйлин. Она ничего не могла с собой поделать. Слишком уж она его любила. В нападках ее не было настоящей горечи. Часто, обнимая и нежно целуя ее, он шептал: «Моя крошка! Моя рыжая кукла! Правда, что ты меня так любишь? Тогда поцелуй меня». Они оба пылали какой-то первобытной страстью. И пока жизнь не отдалила их друг от друга, Каупервуд даже представить себе не мог более восхитительного союза. Они не ведали того холода пресыщенности, который нередко переходит во взаимное отвращение. Эйлин всегда была ему желанна. Он подтрунивал над ней, дурачился, нежничал, зная наперед, что она не оттолкнет его от себя чопорностью или постной миной ханжи и лицемерки. Несмотря на ее горячий, взбалмошный нрав, Эйлин всегда можно было остановить и образумить, если она была не права. Она же, со своей стороны, не раз давала Каупервуду дельные советы, подсказанные ее женским чутьем. Все их помыслы занимало теперь чикагское общество и новый дом, который они решили строить в надежде упрочить таким образом свое положение и войти в круг избранных. Будущее представлялось Эйлин в самом розовом свете. Есть ли в мире женщина счастливее ее? Фрэнк так красив, так великодушен, так нежен! В нем нет ничего мелочного. Пусть он даже иногда заглядывается на других женщин, что из того? В душе он ей верен; и не было еще случая, чтобы он ей изменил. Хотя Эйлин знала Каупервуда достаточно хорошо, она все же не представляла себе, как ловко он умеет изворачиваться и лгать. Но пока что он действительно любил ее и действительно был ей верен.

Каупервуд вложил около ста тысяч долларов в газовые компании и считал свое будущее обеспеченным. Концессии были выданы на двадцать лет, к концу этого срока ему не исполнится еще и шестидесяти, а за это время он наверняка либо приобретет контрольные пакеты старых компаний, либо объединится с ними, либо с большой выгодой переуступит им дело. Рост Чикаго предвещал ему успех. Поэтому он решил вложить до тридцати тысяч долларов в картины, если найдет что-нибудь стоящее, и заказать портрет Эйлин, пока она еще так хороша. Каупервуд опять стал интересоваться живописью. У Эддисона было четыре или пять хороших полотен – Руссо, Грёз, Вуверман и Лоуренс, – которые тот неизвестно где раскопал. Каупервуд слышал, что у некоего Колларда, владельца гостиницы и торговца недвижимостью и мануфактурой, имеется замечательная коллекция. Эддисон рассказал ему, что Дэвис Траск, король скобяных изделий, тоже коллекционирует картины. Многие богатые семейства в Чикаго уже начали собирать произведения искусства. Значит, пора начать и ему.

Как только концессии были утверждены, Каупервуд посадил Сиппенса у себя в кабинете и на время передал ему все дела. В пригородах, поблизости от строившихся заводов, были открыты маленькие конторы с незначительным штатом. Теперь старые компании донимали новые компании всевозможными тяжбами, требуя, чтобы суд «запретил», «отменил», «пресек» и т. д., но Мак-Кибен, Стимсон и генерал Ван-Сайкл отражали все атаки врага со спокойствием и доблестью защитников Трои. Это было забавное зрелище. Однако о Каупервуде почти никто ничего не знал. Он все еще оставался в тени. В связи с этими делами имя его даже и не упоминалось. Газеты ежедневно прославляли других людей, и в Каупервуде это будило досаду и зависть. Когда же настанет его черед? Теперь уж, наверно, скоро. В июне Каупервуд и Эйлин, веселые и жизнерадостные, отправились в Европу, решив насладиться сполна своим первым большим путешествием.

Это была чудесная поездка! Эддисон с обычной для него любезностью телеграфировал в Нью-Йорк, чтобы миссис Каупервуд на пароход были доставлены цветы. Мак-Кибен прислал путеводители. Каупервуд, не зная наверно, подумает ли кто-нибудь о цветах, тоже заказал две великолепные корзины, так что, когда Эйлин поднялась на верхнюю палубу, ее ожидали там три корзины цветов, каждая с приколотой к ней карточкой. Кое-кто из сидевших за капитанским столом пытался завязать знакомство с Каупервудами. Их приглашали на любительские концерты или просили составить партию за карточным столом. Но море было все время бурное, и Эйлин чувствовала себя неважно. Хорошо выглядеть, когда страдаешь морской болезнью, – нелегкая задача, и поэтому она предпочитала большей частью оставаться в каюте. Держалась Эйлин со всеми надменно, даже холодно, а в разговоре с теми, для кого она делала исключение, взвешивала каждое слово. Она вдруг почувствовала себя важной дамой.

Перед отъездом из Чикаго Эйлин почти опустошила ателье Терезы Доновен. Белье, пеньюары, костюмы для прогулок, амазонки, вечерние туалеты – все это она везла с собой в огромном количестве. На груди у нее был спрятан мешочек, в котором она хранила на тридцать тысяч долларов разных драгоценностей. А уж туфлям, шляпкам, чулкам и прочим принадлежностям дамского туалета просто не было числа. И это заставляло Каупервуда гордиться Эйлин. Сколько в ней энергии, сколько в ней живости! Лилиан, его первая жена, была бледной, анемичной женщиной, а в Эйлин жизнь была ключом. Она постоянно что-то напевала, шутила, наряжалась, кокетничала. Есть такие натуры, которые живут сегодняшним днем, ни над чем не размышляя и не углубляясь в себя. Наша планета с ее многовековой историей если и существовала для Эйлин, то как нечто весьма смутное и отвлеченное. Возможно, она и слышала, что когда-то на земле жили динозавры и крылатые пресмыкающиеся, но особого впечатления это на нее не произвело. Кто-то там сказал, будто мы произошли от обезьяны; какой вздор! А впрочем, может быть, так оно и есть. Ревущие в просторах океана зеленоватые громады волн внушали Эйлин почтение и страх, но не тот благоговейный трепет, который они будят в душе поэта. Пароход вполне надежен. Капитан в синем мундире с золотыми пуговицами,

такой любезный и предупредительный, сам сообщил ей это за столом. Эйлин полагалась на капитана. А кроме того, возле нее всегда был Каупервуд, настороженно, но без страха взиравший на величественное зрелище разбушевавшейся стихии и ни словом не обмолвившийся о том, на какие мысли оно его наводило.

В Лондоне благодаря письмам, которыми их снабдил Эддисон, Каупервуды получили несколько приглашений в оперу, на званые обеды, в Гудвуд – провести конец недели и побывать на скачках. Они катались в колясках, фаэтонах, кабриолетах. На воскресенье новые знакомые пригласили Каупервудов в свой плавучий домик на Темзе. Хозяева-англичане, смотревшие на это знакомство как на способ установить связь с финансовыми кругами Америки, были с ними учтивы, но и только. Эйлин интересовало все: присмотревшись к манерам людей, к порядкам в домах, к прислуге, она сразу же разочаровалась в Америке, – там все не так, все нуждается в коренных переменах.

– Нам с тобой предстоит прожить в Чикаго еще много лет, Эйлин, так что не увлекайся, – предостерегал ее Каупервуд. – Неужели ты не видишь, что эти люди терпеть не могут американцев? Поверь, если бы мы жили здесь постоянно, они бы нас к себе на порог не пустили. Во всяком случае, сейчас. Мы здесь проездом, только поэтому они с нами и любезны.

Каупервуду это было совершенно ясно. А у Эйлин совсем закружилась голова. Она только и знала что переодевалась. В Хайд-парке, где она ездила верхом и каталась в кабриолете, в «Кларидже», где Каупервуды остановились, на Бонд-стрит, где она ходила по магазинам, мужчины оборачивались на нее, а чопорные, консервативные, скромные в своих вкусах англичанки только поднимали брови. Каупервуд все это видел, но молчал. Он любил Эйлин и пока что не желал для себя лучшей жены – как-никак она очень хороша собой. Если ему удастся упрочить ее положение в чикагском обществе, этого на первых порах будет достаточно.

Проведя три недели в Лондоне, где Эйлин отдала дань всему, чем издавна славится и гордится старая Англия, Каупервуды отправились в Париж. Здесь Эйлин овладел уже почти ребяческий восторг.

– Ты знаешь, – серьезно заявила она Каупервуду на следующее утро, – я теперь убедилась, что англичане совсем не умеют одеваться. Даже самые элегантные из них только подражают французам. Возьми хотя бы тех мужчин, что мы видели вчера в «Кафе дез Англэ». Ни один англичанин не сравнится с ними.

– У тебя, дорогая моя, экзотический вкус, – отвечал Каупервуд, повязывая галстук, и покосился на нее со снисходительной усмешкой. – Французская элегантность – это уже почти фатовство. Я подозреваю, что некоторые из этих молодых людей были в корсетах.

– Ну и что ж такого? Мне это нравится. Уж если быть элегантным, так элегантным!

– Я знаю, что это твоя теория, детка, но во всем нужна мера. Иногда полезно выглядеть и поскромнее. Не следует очень уж отличаться от окружающих, даже в выгодную сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.